

САРА А.ПАРКЕР

КРОВЬ

ХРУСТАЛЬНОГО

ЦВЕТКА

Сара А. Паркер
Кровь хрустального цветка
Серия «Кровь хрустального
цветка», книга 1
Серия «Лучшие мировые ретеллинги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69878335

Кровь хрустального цветка:

ISBN 978-5-04-193877-2

Аннотация

Темный ретеллинг истории о Рапунцель, полный неожиданных сюжетных поворотов.

Первая книга новой серии для поклонников Сары Дж. Маас и Дженнифер Арментроут.

Взрослое прочтение детской сказки – жаркие сцены и притягательные мужчины.

Оригинальный мир, населенный уникальными существами и монстрами, самые страшные из которых живут в сознании главной героини.

Каждый персонаж – россыпь тайн и секретов, которые только предстоит раскрыть.

Девятнадцать лет назад меня вырвали из самого сердца кровавой бойни. Двухлетняя девочка, я была единственной выжившей. Маленькая. Хрупкая. Загадочная.

Теперь я веду простую жизнь под опекой могущественного владыки, который слишком много знает и слишком мало говорит. Не покидаю его замка. Остаюсь под его защитой.

Цена моей безопасности – кубок с каплей крови, который я ежедневно подношу своему опекуну, болезненная привязанность и множество тайн. Тайн, которые способны порвать в клочья мое привычное существование.

Так ли ужасны звери за пределами замка, когда монстры в моем сознании набирают силу, претворяя в реальность мои кошмары? Ведь ни одна башня недостаточно высока, чтобы защитить меня от самого страшного – правды...

Содержание

Глоссарий	6
Пролог	8
Глава 1	23
Глава 2	39
Глава 3	51
Глава 4	65
Глава 5	77
Глава 6	82
Глава 7	92
Глава 8	111
Глава 9	121
Глава 10	127
Глава 11	143
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Сара А. Паркер

Кровь хрустального цветка

Sarah A. Parker

To Bleed a Crystal Bloom (#1)

Copyright © Sarah A. Parker 2021

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Тем, кто боится расцвести

Глоссарий

Каменный стебель – башня Орлейт.

Бухта Огрызок – бухта у подножия утеса под замком Нуар.

Черта безопасности – черта, за которую Орлейт не переступала с тех пор, как прибыла в замок Нуар еще ребенком. Линия окружает поместье, проходит по границе леса и пересекает залив.

Перепутье – заброшенный лабиринт коридоров посреди замка, Орлейт использует его для более быстрого перемещения. Как правило, в этих коридорах нет окон.

Рассады – теплица.

Неизведанные зоны – места, которые Орлейт предстоит исследовать.

Логово – личные покои Рордина.

Крепость – большие полированные двери, которые охраняет Джаскен. Незведанная зона.

Бревно – дерево, упавшее поперек пруда селки, которое часто используется для тренировок Орлейт.

Корешки – гигантская библиотека.

Шкаф – маленькая дверца, за которую Орлейт каждую ночь ставит подношение.

Шепот – темный заброшенный проход, который Орлейт

расписала фресками.

Склеп – кладовая, где Орлейт обнаружила «Те Брук о’А-валансте».

Лужи – общие купальни/термальные источники.

Проклятая дыра – комната, где Бейз часто тренирует Орлейт.

Каспун – редкое растение, которым Орлейт успокаивает приступы, что случаются у нее из-за кошмарных снов и резких звуков.

Экзотрил/экзо – запретный наркотик, который Орлейт принимает утром, чтобы нейтрализовать последствия передозировки каспуна, который обеспечивает ей хороший сон каждую ночь.

Конклав – собрание, в котором участвуют владыки и владычицы со всего континента.

Трибунал – ежемесячное собрание, на котором граждане могут высказаться о своих бедах владыке.

Фрист – северная территория.

Руст – восточная территория.

Бахари – южная территория.

Окрут – западная территория.

Пролог

Рордин

Полная луна отбрасывает на лес Ватешрам серебряный отблеск, на подсвеченном фоне резко очерчиваются тени.

Мой конь летит галопом по самым глубоким очагам черноты, петляя меж вековыми деревьями. Тяжело дышит, прижимает уши, время от времени непокорно вскидывает голову.

Мельком бросаю взгляд назад – нет ли за мной слежки.

Семь лет назад. Тогда был последний раз, когда я осмелился совершить это путешествие.

Я откладывал его так долго, как только мог.

В кронах свистит ветер, ледяной северный бриз, который несет резкий запах и заставляет руки крепче сжимать поводья. Нынче все, что приходит с Севера, горчит привкусом порчи: ветер, еда с торговых кораблей, которые путешествуют по реке Норз, даже вода, что стекает с горной границы и наполняет наши ручьи.

Эйзар замедляет шаг, затем и вовсе самовольно останавливается, фыркает и бьет копытом землю.

– Тише, мальчик, – успокаиваю его я, оглаживая широкую мускулистую шею.

Лес окутывает мертвая тишина, и я оглядываюсь, прислу-

шиваясь, наблюдая...

Ее нарушает порыв ветра, он завывает, как зверь в агонии, раздражая едким зловонием нос.

Хмурюсь, спирает дыхание.

Смерть. Плающая смерть – и она катится со стороны тайного убежища.

Аравин.

– Но! – рычу я, вонзая пятки коню в бока.

Эйзар взвизгивает – и бросается вперед, каждый глухой удар копыта по земле отдается в голове зловещим эхом.

Слишком поздно.

Поздно.

Поздно.

– Быстрее!

Деревья наконец расступаются, открывают два выщербленных склона, обрамляющих тлеющие руины некогда величественного дома.

Эйзар, вскинувшись на дыбы, разворачивается. Еле удерживаю коня, чтоб не ринулся обратно, и неотрывно смотрю на ужасную сцену. С неба сыплется пепел.

Недостаточно быстро...

Ревущий ад поглощает дом, который уже потерял все очертания, не осталось ничего, кроме осыпавшихся каменных стен, груды обугленных камней и пылающих деревянных балок, что разбросаны по земле, как спички. В очагах теней собираются темные существа, нацеливаясь на куски

жареной плоти, разметавшиеся по всей поляне.

Слишком много тел для гребаного тайного убежища.

Кто-то облажался. Надеюсь, они уже мертвы – для их же блага.

Раздается бешеный вой, и он предваряет странный, тошнотворный звук сродни скрежету металла о металл. У меня из горла рвется низкий рокот.

Спрыгиваю с Эйзара, говорю с ним приглушенно, привывая к дереву, освещенному полыхающим пламенем. Приближаясь к руинам дома медленными шагами, хватаюсь за рукоять за плечом, вытаскиваю оружие: смертоносный черный клинок, что сливается с мраком.

Наступающие тени пятятся.

Переступаю отрубленную руку, на которой не хватает трех пальцев. Плоть истекает густой красной кровью. Вид этого не должен приносить мне облегчения... но все-таки приносит.

Рука не принадлежит *ей*.

Им.

Продолжаю шагать, переступая конечность за конечностью, голову за головой – покрытая волдырями кожа искажает черты, но не в состоянии скрыть перевернутые буквы V, вырезанные у некоторых на лбу.

А гребаные Шулаки что здесь делают?

Мысль тут же исчезает, стоит взгляду наткнуться на обугленную ногу, что валяется у валуна...

Кровь грохочет в ушах, дикий, бушующий гнев угрожает разорвать в клочья тщательно сплетенные волокна моих ограничений.

Мало того, что из разорванной плоти сочится перламутровая жидкость, слишком знакомая, так еще и конечность маленькая.

Слишком маленькая.

Опускаюсь на корточки, закрываю глаза, прикусываю кулак...

Слишком, чтоб ее, маленькая.

Гнев нарастает, и нарастает, и...

Земля дрожит, снова раздается пронзительный визг, за рухнувшим и горящим домом суматоха.

Кровожадные шавки.

Они все еще здесь. Все еще пируют.

Опять воздух рассекает этот резкий, скрипучий звук, и за ним следует дикий вой, который взрезает мне позвоночник по всей длине, словно клинок.

Верхняя губа вздергивается, обнажая зубы, я вскакиваю на ноги, с хрустом разминаю шею. Направляюсь в сторону звуков, но булькающий всхлип заставляет мой взгляд метнуться к иве – к обмякшей у ее подножия фигуре, чьи длинные светлые волосы рассыпались под головой...

Аравин.

Бросаюсь к ней, падаю на колени, забытый меч летит на землю. Бережно поворачиваю Аравин к себе, и сердце обры-

вається: под моими руками теплая влажность ее наполовину вывалившихся внутренностей.

– Проклятье.

Осматриваю повреждения, а она испускает полный боли стон.

Края ран уже начали сереть и гноиться, испуская прогорклый, забивающий горло смрад...

Слишком. Чтоб меня. Поздно.

Ее хрупкая рука ложится поверх тяжелого прозрачного камня, который она всегда носила на шее.

– В-возьми, – умоляет Аравин, глядя на меня широко раскрытыми, сияющими, словно кристаллы на солнечном свету, глазами. Такими непохожими на остальные здесь, что безучастно глядят с земли вокруг.

Сглатываю вязкую слюну, заправляю Аравин волосы за шипастое ухо и, расстегнув замочек, подхватываю камень. Серебряная цепочка падает в ладонь, почти сливаясь с цветом драгоценной крови на моих руках.

– Для н-нее, – шепчет Аравин, смыкая мои пальцы на подарке.

Все равно что смыкая мое гребаное сердце.

В последний раз, когда я приезжал, ее живот был округлым и полным, и мне не хватает духу сказать, что неподалеку в грязи лежит маленькая оторванная ножка.

Что Кол, ее пара, наверняка тоже где-то тут.

По кускам.

От влажного кашля на землю вываливается еще больше нутра, и рука Аравин ложится на эфес моего клинка.

– Прошу...

– У меня в седельных сумках есть жидкая пагуб...

– Нет, – выдыхает Аравин. – К-клинком. Прошу.

Медлю, чувствуя, как ее просьба ложится грузом на плечи.

С коротким кивком, разрывающим меня изнутри, убираю кулон в карман. Меч тяжело ложится в ладонь, острие находит левую сторону груди Аравин.

Выдерживаю ее взгляд, в ловушке сжатых губ застревает миллион слов.

Слова не облегчат боль, не остановят гниение плоти – не повернут эту ночь вспять и не вернут ее семью, потому я их сдерживаю, позволяя растравлять нутро и питать ту бездну ядовитой ярости, что ждет выхода.

– Обещ-щ-щай. С-спаси ее, Рордин. П-прошу.

Она уже мертва.

– Обещаю, – говорю я, выдерживая взгляд Аравин.

Ложь делает свое дело, стирая напряженные морщинки вокруг ее глаз, но цена этому – невидимый штырь в моем сердце.

Я обещал ей и убежище тоже... и теперь ее семья мертва.

Аравин грустно улыбается, по грязи и волдырям на ее щеке прокладывает дорожку переливчатая слеза.

– Д-давай.

– Прости...

За все.

Она хочет снова заговорить, но я не даю ей возможности напичкать меня той ложью, что назревает в ее глазах. Надавливаю на клинок и вырываю из ее разбитых губ вздох.

Тень смерти заволакивает широко раскрытые, стеклянные глаза, они обретают бездонную безмятежность, от которой я не успеваю вовремя отвести взгляд.

Аравин стала бы предлагать мне утешение – говорить, что все в порядке.

Нет, не в порядке.

Повесив голову, я притворяюсь, что звезды не смотрят с неба, не прожигают в моей спине дыры.

Но это так.

Они всегда смотрят. И всегда, чтоб их, будут смотреть.

Отпуская кипящую ярость на поверхность, я выдерживаю меч и встаю в стойку.

Плавный. Холодный.

Отрешенный.

Не оглядываясь, бросаюсь к клубящемуся пламени, что пожирает упавшие остатки соломенной крыши, огибаю груды почерневших кирпичей, замираю в полосе тени...

Вруки. Их трое – черные шары глаз, тела крупней моего жеребца, усеянные выпуклыми мышцами, что перекатываются под гладкой серой шерстью.

Не псовые, не кошачьи – нечто, застрявшее посередине.

Огромные.

Мощные.

Беспощадные.

Мерзкая, мать ее, чума.

Их приплюснутые морды перемазаны красным, с уймы клыков капает кровь добычи. Они рыщут плотным рычащим кольцом вокруг грязного купола, идеальной полусферы, заваленной обломками.

Склоняю голову набок, ноздри трепещут.

Один врук встает на дыбы, из лап пробиваются смертоносные когти, а потом он переносит вес вперед и бьет по куполу. Вспыхивают искры, и от пронзительного скрежета хочется вонзить себе что-нибудь в уши.

Воздух наполняется еще более свирепым рычанием и воем. Самый крупный из троицы опускает голову, тычется носом в поверхность необычного предмета и оглушительно ревет.

Суматошное, животное бессилие...

Оно хорошо отвлекает мои цели.

Распутываю последние нити гнева, крадусь вперед, будто едва касаясь ногами земли, взмахиваю мечом сквозь дым. Первая голова летит с массивных плеч, но я не жду, пока зверь упадет. Я уже припал на колено и рывком развернулся – второй врук воет во всю глотку, когда я перерубаю его пополам и из брюха выпадают кишки, что испускают в ледяном воздухе пар.

Быстрая, чистая смерть.

Если б только они отнеслись с тем же пониманием к Аравин.

Привлекая внимание альфы, в меня вливается его свирепый взгляд. Воздух между нами застывает, и я слегка приподнимаю подбородок.

Шавка прыгает вперед, оскалив клыки, растопылив когти, все вокруг отравляет зловонный рев. И голова зверя катится по земле прежде, чем он успевает хотя бы моргнуть, мускулистая шея поддается тому же металлическому поцелую, который унес жизни его братьев.

Он падает, как камень, смерть хлещет из тела в такт с замирающим сердцем, а я резко выдыхаю...

– Проклятье.

Убийство несет с собой скверну, и от меня ею буквально разит. Сомневаюсь, что когда-либо смогу смыть это зловоение. Но наш мир немилосерден, и я тоже.

Теперь уже нет.

Вытерев меч о куртку, я возвращаю его в ножны на спине и перевожу внимание на купол, теперь перемазанный слоем дымящейся крови врук. Опускаюсь на корточки, чтобы изучить странный предмет, провожу рукой по месиву, обнажая похожую на кристалл поверхность, которая, кажется, мерцает сама по себе.

Но не она обращает мои легкие в камень.

Сквозь отражение пляски пламени и моего измученного

лица я вижу ребенка не старше двух лет, облепленного грязью, пеплом и обрывками сгоревшего белья. Глаза девочки зажмурены, ладошки прижаты к ушкам, и она раскачивается с искаженным в беззвучном крике личиком.

Вдруг замечаю среди спутанных, перепачканных сажей кудрей край ушка и распахиваю глаза шире: маленькую раковину выстилают тонкие, раскаленные шипы...

У Аравин было еще одно дитя.

Тяжесть в кармане давит все сильнее, и я падаю в грязь на колени.

«С-спаси ее. П-прошу».

Провожу ладонью по лицу.

Слова звучали с той же жадностью, с какой сейчас распаляется мое любопытство. Эта крошечная эшлийка... она превращает свой свет в окаменелость, использует его как защитный механизм.

Нечто невозможное.

Она – помесь? Неужто Аравин искала тепла в чужой постели?

Обыскиваю поляну, трупы с распахнутыми глазами: нет ли свидетелей. Наблюдает лишь тени, собираясь вдоль линии деревьев, которая окружает разгром, словно петля.

Ирилаки. Их сотни. Некоторые даже крупней того врука, которого я только что прикончил, другие – вполовину меньше.

Их, должно быть, привлек запах пролитой крови. Дав-

ненько я не видел так много их в одном месте.

Пристально разглядываю каждый извивающийся черный комок. Хотя я не вижу лиц, в меня впивается все их внимание – несомненно, ждут, когда пламя утихнет, чтобы броситься вперед и вдосталь попировать.

Они ее не получают.

Сажусь на корточки, готовый ждать хоть вечность, пока девочка опустит непроницаемый барьер. Пусть я не знаю это дитя, но у ее матери ушли годы, чтобы согласиться переехать в это убежище, и теперь она мертва.

Дитя заслуживает лучшего.

Ее мать заслуживала лучшего.

Сглатываю комок вины и жду.

Проходят часы, а я стараюсь не смотреть на иву – я ненавижу то, что она стала надгробием Аравин и другого у нее не будет. Что ее тело растерзают голодные тени, едва обретут возможность наброситься.

Когда личико девочки наконец разглаживается и реснички взмываются вверх, горизонт уже опалает восходящее солнце.

Я придвигаюсь очень, очень тихо.

Ее широко распахнутые глазки мерцают тысячами граней, будто она глядит с небосклона, полного звезд, что зародились в ее душе.

Ее подбородок дрожит.

Фрагменты хрустального купола начинают таять, капая на

землю, и ошеломляющий запах страданий девочки пронзает мне горло, словно клинок.

Она не шевелится – все сидит, съежившись в комочек, и глядит на меня несчастными глазами.

Изучает.

Воет ветер, и у нее стучат зубы.

Я же ими скрежещу.

Она, чтоб ее, замерзнет, если я в ближайшее время ее не закутаю, но я отказываюсь поднимать девочку с земли. Мне нужно ее доверие.

Ее разрешение.

– Я не причиню тебе вреда, обещаю, – говорю я, понизив свой громкий голос в страхе ее напугать, вновь загнать в скорлупу, где я не могу ей помочь.

Девочка моргает раз... потом два... и наконец раскрывается, роняя комья грязи и пепла, встает, делает нетвердый шаг, а затем у нее подкашиваются ноги.

Ловлю ее, прежде чем она падает, и даже сквозь слои кожи и шерсти чувствую, какая она холодная и хрупкая.

Прижимаю ее к себе, поднимаюсь.

– Я тебя защищу. Все будет хорошо.

Бросаясь к Эйзару, я набрасываю ей на спину свой плащ, чтобы закрыть от ветра и вида стольких смертей; от движения с ее правого плеча спадает ком густой грязи.

Моя рука замирает. И замираю я весь.

Даже кровь в гребаных венах.

Обнаженная кожа девочки усеяна странными отметинами, словно по ней проползли виноградные лозы, оставляя чернильный след...

Что-то внутри меня чернеет и съеживается, когда в голове проносятся слова – слова, высеченные в камне гнусной, страшной рукой.

Слова, которые камнем оседают у меня внутри.

Свет хлынет с неба и земли, Кожа, со скверной клейма смерти...

Почти касаюсь родимого пятна на дрожащем плечике и, выругавшись, отдергиваю руку.

Я обещал, что не причиню ей вреда.

Я солгал.

Если раньше происходящее не имело никакого смысла, то теперь этого смысла слишком, чтоб его, много.

Неудивительно, что Аравин ее прятала. Неудивительно, что здесь были гребаные Шулаки. Неудивительно, что кулон у меня в кармане так тяжел...

Аравин не стоило брать с меня такой обет. Возложенный в слепой надежде не на те плечи.

Дитя поднимает голову и пытается заговорить, но выходит лишь хрип.

К моему горлу подкатывает тошнота.

Девочка спасла себя от трех свирепых вруков, которые

разорвали ее былую жизнь в клочья, – лишь для того, чтобы угодить в объятия еще более свирепой угрозы.

В этой смерти не будет славы. Ни тени чести.

Лишь кровь испуганного ребенка у меня на руках.

Или ей петля в постели, или смерть у вашей двери.

Она смотрит на меня, пытаюсь что-то сказать сорванным голосом.

– Все хорошо, – лгу я, обхватывая ее затылок ладонью и прижимая к себе.

Ее щека прижимается к моей груди. Утешение, которое будет лишь временным.

Сделаем все быстро.

Прижимаю кончики пальцев между ребер девочки, чувствую ритм бешено скачущей мишени. Петля теней сгущается, словно ирилки предвкушают теплое блюдо, что станет к их пиршеству гарниром.

Проклятье.

Шею будто подрубает, лицо утыкается в перепачканные сажей волосы девочки. Взметнувшийся пряно-цветочный аромат захлестывает меня, заставляя зарыться глубже, пока рот не прижимается к свежей ране на голове.

Жидкость согревает губы, и я отдергиваюсь, но кровожадный инстинкт заставляет язык юркнуть наружу...

Вкус ее крови – как удар молнии прямо в мозг.

В сердце.

В гребаную душу.

Ноги подкашиваются, я падаю на колени, втягивая воздух острыми срезами через сдавленное горло. Каждый мускул в теле напряжен, под кожей выступают вены, само мое существо пытается занять больше места в мире, который вдруг кажется слишком маленьким. Слишком жестоким.

Слишком, чтоб его, опасным.

Запрокидываю голову, высматривая в переплетенных нитях дыма гаснущие звезды, скалю зубы, словно могу взвиться вверх и пожрать колючки света до тех пор, пока на небе их не останется.

– Вы, ублюдки...

Я рычу, усиливая хватку.

Нет.

Вскочив на ноги, я широким, решительным шагом направляюсь к своему коню. Забираюсь в седло, закутываю дитя плотнее и высылаю жеребца вперед, единым уродливым действием рассеивая и петлю теней, и собственное пришедшее в упадок самомнение.

– Шли бы вы на хер, – бормочу, отрывая взгляд от звезд, когда мы скрываемся под кронами древних деревьев.

Сегодня дитя не умрет, но не из благих побуждений.

Мой поступок целиком и полностью эгоистичен.

Глава 1

Орлейт

19 ЛЕТ СПУСТЯ

В пламени свечи, вспыхивающей огненным сердцебиением, острый кончик иглы становится красным. Отдергиваю ее, встряхиваю.

Злая штучка.

В ожидании, когда она остынет, усаживаюсь, скрестив ноги, на свою кровать и обвожу взглядом комнату, скольжу по изогнутым обсидиановым стенам, что пронизаны большими куполообразными окнами. Между ними камень украшают большие и маленькие картины, прикрепленные домашним клеем.

Мягкий изгиб благосклонен лишь к тому, что способно прогнуться, а я отказываюсь просыпаться каждое утро среди угрюмых стен, лишенных цветных пятен. Таких я и так вижу предостаточно, прогуливаясь каждый день по замку.

Вся моя мебель сделана в соответствии с комнатой – изогнутый комод, изголовье кровати с балдахином, даже ванна лепится к каменному цилиндру лестничного колодца. У внешней стены стоит узкий стол, занимающий примерно четверть окружности, его поверхность завалена букетами сухих цветов, множеством ступок с пестиками, маленькими

баночками со всякой всячиной... и камнями. Кучей черных камней всех форм и размеров, многие наполовину или полностью украшены цветными мазками.

Пройти мимо гладкого камешка – всегда испытание. В девяти случаях из десяти они попадают ко мне в сумку, потом в башню и подвергаются нападению кисти.

Снаружи колодца есть камин и деревянная дверь – единственный путь в мою комнату или из нее, если не считать эффектного падения с края балконной балюстрады.

Несколько лет назад я выкрасила дверь в черный, а затем на протяжении целых девяти месяцев украшала ее россыпью светящихся звезд, которые идеально повторяют ночное небо. Даже луна есть, наполовину погруженная в тени.

То, на что я могу смотреть, когда все затянуто плотными, штормовыми тучами.

Прижимаю кончик иглы к подушечке среднего пальца до болезненного укола, и на поверхность крошечной ранки миглом проступает шарик ярко-алой крови.

Кривлю губы.

Вид собственной крови не должен приносить мне удовольствия. Но ведь приносит. Потому что эта кровь, этот маленький акт членовредительства предназначается не для меня.

А для него.

Для Рордина.

Кладу иглу на глиняную тарелку на прикроватном столи-

ке, затем опускаю палец в хрустальный кубок, наполовину наполненный водой. Она окрашивается розовым – цветом здорового цветения в середине весны.

Вздыхаю, гадая, понравится ли ему. Не сочтет ли слишком розовым или слишком красным? Он никогда не жалуется, никогда вообще ничего не говорит на эту тему, в чем как раз и заключается проблема.

В незнании.

Покручивая кубок и размешивая содержимое, направляюсь к выходу и опускаюсь на колени так, что теперь на уровне моих глаз оказывается дверь поменьше, вырезанная в толстом старом дереве, испещренном нарисованными вручную звездами.

Шкаф.

Название дала Кухарка, когда я была слишком мала, чтобы делать подношения самостоятельно. Так и прижилось.

Этой дверцей я измеряла свою жизнь – потребностью сперва дотягиваться на цыпочках, затем стоять ровно, затем наклоняться.

Тяну за нее и открываю пустую нишу размером ненамного больше моего хрустального кубка. Ее стены грубые и выемчатые, словно их вырубил человек в гневе.

Ставлю подношение на поставку – красивую, в отличие от ее темницы из необработанного дерева.

И я, как всегда, завидую дурацкому кубку, тому, как его сожмут, покачают, коснутся губами... по идее.

Все это очень близко к желаниям, которых я не должна испытывать, и потому заслужило мою неразделенную ненависть.

Закрываю Шкаф, приземляюсь на задницу и немного сдаю назад, крепко обхватив руками колени, и все это время разглядываю две такие разные двери.

Большую я часто предпочитаю держать закрытой, как барьер, чтобы отгородиться от мира всякий раз, как чувствую необходимость спрятаться. Меньшую я хотела бы оставить открытой в этот ночной час, чтобы смотреть Рордину в глаза, пока он принимает мое подношение.

Однажды я попыталась... год назад. Просидела на этом же месте, почти не моргая, далеко за полночь. Он пришел только после того, как я захлопнула Шкаф, тем самым разорвав связь.

Вот тогда-то до меня и дошло, в какие неприятности я вляпалась.

В моей башне эхом отдаются тяжелые шаги, созвучные громкому, частому стуку моего сердца.

Закрываю глаза и считаю его шаги, представляя, как он взбирается по винтовой лестнице, которая вьется внутри моего колодца, преодолевает все сто сорок восемь ступеней, прежде чем наконец замедлиться; так происходит всегда перед тем, как он поднимается на верхнюю площадку.

Как наяву вижу, как он стоит у двери, роется в кармане, вставляет ключ в замок, сжимая губы в жесткую линию, что

взрезает его лицо. Как вспыхивает в окаменевших глазах искорка удовольствия, когда он обнаруживает хрустальный кубок, полный моего тщеславного подношения.

Красивая ложь, которую мне нравится рисовать. Сказочная реальность, где я нужна ему так же сильно, как он нужен мне. То, что помогает укротить зарождающееся в груди незваное чувство.

Дверь с глухим стуком закрывается, и я бросаюсь вперед, прижимаю ухо к дереву, прислушиваясь к равномерным шагам вниз по лестнице.

Когда я проверю Шкаф утром, там будет кубок, лишенный жидкости, но до краев полный вопросов, которые льются на меня всякий раз, как я его достаю.

Почему ему это нужно? Для чего использует? Нравится ли ему... то, что между нами?

Потому что мне – нравится.

Я с нетерпением жду заветный миг и, когда он минует, сдуваюсь. Слишком уж часто предаюсь фантазиям – в которых он пьет меня из хрустального кубка, а я все время удерживаю его взгляд.

В которых все происходит открыто, а не будто нам есть чего стыдиться.

Беру с кровати расческу и направляюсь к балконным дверям у прикроватного столика, выхожу на свежий сумеречный воздух, где приступаю к утомительному занятию – расчесываю накопившиеся за целый день узлы в длинных золо-

тистых волосах.

Даже когда я приподнимаюсь на цыпочки, выглядываю из-за балюстрады, высматривая на земле хоть намек на движение, мне нравится притворяться, что я выхожу сюда наблюдать, как зреет вечер, а расческа – просто способ занять руки.

Пусть я упрятана в башню, которая временами теряется в облаках, у меня все еще сжимается сердце, когда в высоких дверях замка появляется Рордин и широкими, решительными шагами пересекает поле к лесу, который граничит с поместьем.

Он никогда не поднимает взгляд. Никогда меня не ищет.

Он просто пересекает границу, а потом исчезает в зарослях шалфея, мха и зелени, что простираются, насколько хватает глаз, во все стороны, кроме юга.

Всегда один и тот же монотонный заведенный порядок, от которого я не могу оторваться.

Солнце ныряет за горизонт, обжигая небо светом, дуновение холодного, соленого ветра играет с подолом моей рубашки, от чего по коже пробегают мурашки, а зубы начинают стучать.

Разделяю волосы на три части, заплетаю косу. Когда разделяюсь со всей длиной, последний луч света уже успевает покинуть землю, а мои пальцы – онеметь от холода.

Он не вернулся.

Шаги обратно в башню даются все тяжелее.

Подавляя зевок, я подхожу к прикроватному столику и перебираю множество закупоренных бутылочек на подносе. Поднимаю одну, качаю из стороны в сторону, хмуро глядя на негустую жидкость цвета индиго, что плещется внутри...

Клянусь, ее было больше.

С раздраженным фырканьем возвращаю бутылочку на поднос, задуваю свечу и забираюсь в постель.

Губа, которую я нервно покусывала, теперь пульсирует, и я ругаюсь, натягивая до самой шеи плотное одеяло и разворачиваясь к северным окнам.

Небо – бархатное полотно, усеянное звездами, которые подмигивают мне впервые за неделю. В окна льется свет луны, очерчивая бутылочки, стоящие на расстоянии вытянутой руки.

И тот факт, что все пусты – кроме одной.

Подавляю дрожь – ту, что вызвана не холодом ранней весны, но бурей, что захлестывает мое нутро, бьет молниями, которые посылают по теле волны...

Впервые за несколько месяцев я ложусь спать в трезвом уме.

Их глаза широко раскрыты и не мигают, рты разинуты,

словно тела развалились на части прямо посреди вдоха, застрявшего меж губ. Все они утратили куски себя, а те, что еще крепятся к телу, слишком неподвижны.

Слишком тихи.

Остались лишь чудовища.

Я что-то упускаю. Что-то важное. Чувствую это в груди; пустоту, которая будто придавливает меня к земле.

Крепко зажмуриваюсь – отгораживаясь от мира, что пылает и рушится, и пытаюсь сложить воедино все детали.

Меня почти раскалывает на части пронзительный звук сродни скрежесу гвоздей по тарелке. Он снова и снова поет свою злобную песнь, перемалывая мне нутро.

Сдираю горло в кровь криком.

Из носа течет, я бью себя по ушам сжатыми кулаками так, что череп вот-вот расколется.

Жестокий образ меркнет, размываясь под порывами ветра, и вдруг я на утесе, вглядываюсь вниз, в мрачную бездну. Царит умиротворенная тишина, не менее пугающая, чем те пронзительные звуки, что меня терзали, а из моего носа уже не течет.

Оттуда хлещет.

Отшатываюсь от щербатого края...

Меня вздергивает вверх, как безвольную куклу, горло обжигает резким вздохом, я распахиваю глаза и чувствую на языке тяжелый металлический привкус. Крепкие руки обхватывают меня за плечи, но не могут унять дрожь.

Моя липкая, холодная кожа — единственное, что не дает костям рассыпаться по всей постели.

Растрепанная копна каштановых волос наполовину закрывает лихорадочный взгляд знакомых карих глаз, будто стеклянных в мерцающем пламени свечи. Губы Бейза шевелятся в такт его кадыку, но я ничего не слышу из-за рева внутри черепа.

Осознаю, что цепляюсь за его обнаженные плечи, отдергиваю руки, провожу ими по лицу и срываюсь на крик. Он перетекает в рыдание, а затем в хриплую мольбу, пока губы Бейза продолжают выговаривать слова.

Ты в порядке. Ты в порядке. Ты в порядке.

Нет.

Мой мозг — шар кипящей, расплавленной лавы, который вот-вот взорвется.

Мне не спастись.

Сжимаю виски и крепко зажмуриваюсь, отгораживаясь от мира, раскачиваясь вперед-назад...

В ноздри бьет серный запах, глаза резко распахиваются.

Каспун.

Подаюсь вперед, приоткрыв губы, жажда залить нутро этим охлаждающим бальзамом.

Бейз хмурится и хватает меня за подбородок, заставляя наклонить голову. На язык плещет жидкость, и я сглатываю.

Давлюсь рвотным рефлексом.

Сколько бы я ни наказывала себя этой желчью, никак не

могу полюбить ее вкус. И все же тянусь к ней ночь за ночью, будто она – единственная ниточка, что привязывает меня к миру.

Из горла по телу растекается онемение, обуздывая стихийное бедствие в моей голове, успокаивая распухший мозг.

Издаю стон, затем открываю рот для новой дозы, хотя Бейз уже не держит мой подбородок в тисках пальцев.

– Орлейт...

Хватаю пузырек, смачиваю язык еще одним приличным глотком. Сложно не слышать ледяной тенор Бейза, но я все равно, морщась, проглатываю благословенную дрянь с привкусом трясины.

Он отбирает у меня каспун, прищулив глаза.

– Чего? – хриплю я, падая обратно на кровать.

Перекатившись на бок, сворачиваюсь калачиком в ожидании, когда же давящее ощущение наконец полностью отступит.

– Сама знаешь чего, – ворчит Бейз и принюхивается к горлышку пузырька. Морщится, издает звук возмущения, что почти заставляет меня улыбнуться. – Что, мать твою, ты сюда намешала? Раньше так не смер-дело.

Смахиваю с лица влажные волосы и загибаю пальцы:

– Имбирный рубец, лиспин, травомуть и псиный варт – отсюда и запах серы.

Бейз вскидывает голову, удивленно распахивает глаза.

– Разве псиный варт не растет на лошадином дерьме?

К сожалению.

– Он помогает облегчить м-мигрени, – вымучиваю я сквозь стучащие зубы, взбивая подушку, чтобы уткнуться в нее носом, как мне нравится делать.

– Лучше б не спрашивал, – бормочет Бейз, натягивая плотное одеяло мне на плечи. – Думал, ты уже избавилась от кошмаров. Таких приступов месяцами не было.

Качаю головой.

Я просто научилась накачивать организм под завязку веществами, которые успокаивают меня настолько, что скрадывают боль. Смешиваю с каспуном все на свете, чтобы усилить эффект, хлебаю его в три горла перед сном вместо рекомендованного глоточка, в случае если проснулась уже разбитая.

Не то чтобы я собиралась рассказывать это Бейзу.

Каспун, по идее, не должен предупреждать кошмары, но зато он отлично работает, если закрыть глаза на дневное похмелье.

Бейз закупоривает бутылочку и резким, четким движением возвращает ее на место. Тяжелое молчание затягивается, наполненное лишь стуком моих зубов. Мокрая от пота ночная рубашка невыносима на стремительно остывающем теле.

– Хочешь поговорить?

– Не-а.

Ни единой частичкой себя не хочу ему говорить, что мои запасы почти истощены. Или что меня до тошноты беспоко-

ит неизбежный разговор с Рордином – в котором я упомяну, что мне нужно больше каспуна, а Рордин скажет, что четыре месяца назад выдал мне трехгодичный запас, и ситуация станет неловкой.

Бейз прочищает горло, потирая заспанные глаза.

– Ладно, что ж... раз уж я понял, что ты тут не умираешь, мне нужно у...

Моя ладонь сама собой взлетает, цепляется за локоть Бейза, отчего тот вскидывает четко очерченную бровь, глядя вниз на мою упрямую хватку.

– Останься, – прошу я, и его ошеломленный взгляд поднимается к моему лицу.

– Лейт...

– Я не стесняюсь умолять, – распахиваю глаза пошире, играя на том, что Бейз, вероятно, все еще видит во мне ребенка, а не женщину, которая не должна нуждаться в ком-то, кто будет отпугивать чудовищ, что обступают ее, когда она спит. – Пожалуйста.

Он смотрит на постель так, словно та поглотит его живьем.

Затем на его лице отражается решимость, он с тяжелым вздохом шагает к темному зеву камина и припадает на корточки, словно пантера. Черные пижамные штаны слегка сползают с бедер.

Движения Бейза текучи, даже когда он вдвухает жизнь в давно потухшие угли. Он выглядит таким уверенным в се-

бе...

Жаль, я не знаю, каково это.

Огонь с ревом оживает, Бейз подкладывает в него дров, а потом обходит кровать с другой стороны. Забирается рядом со мной, подкладывает несколько подушек себе под спину и откидывается на них, вытаскивая из кармана серебряную фляжку.

– Что там?

– Виски. Домашний. – Бейз откручивает крышку. – На вкус – лошадиное ссанье.

Вряд ли хуже того дерьма, которое я только что проглотила.

– Можно п-попробовать?

Бейз снова вскидывает бровь, изучает меня взглядом долгое мгновение, затем сует мне фляжку.

– Крошечный глоточек, и только потому, что он тебя согреет.

Отскребаюсь от постели, беру виски.

– Сколько оговорок. Думаешь, мне понравится и я начну гнать собственный?

Бейз бросает на меня взгляд, который говорит, что я недалеко от истины.

Закатываю глаза, делаю изрядный глоток и в процессе давлюсь.

– Какая гадость, – хриплю я.

Прохладная жидкость прожигает дорожку до самого жи-

вота, кружится там водоворотом и тянет вниз мои и без того отяжелевшие веки. Возвращаю фляжку и плюхаюсь обратно, черпая утешение в неловкой угловатости и чопорности Бейза.

– Но действительно.

Бейз со вздохом обнимает меня одной рукой.

– Меня за это оскопят.

– Не разводи такую драму, – невнятно тяну я, вдыхая его густой запах – цветущий паслен с легкой древесной ноткой.

– Я не развожу драму. – Бейз тоже делает большой глоток и шипит сквозь зубы, когда виски прокатывается по горлу.

– Танис не расскажет.

Бейз ухмыляется, глядя на пляшущие языки пламени, что мягко согревают комнату.

– Если честно, я сомневаюсь, что твоей служанке хватит сил подняться утром по этой лестнице. Не в том состоянии, в котором я ее оставил.

Подорвавшись, я окидываю Бейза испепеляющим взглядом и отмечаю: обнаженный торс, взъерошенные волосы, ленивая, сытая улыбка...

Он многозначительно двигает бровями.

Кривлюсь – да еще и нутро сводит.

– Я же тебе конкретно говорила, что Танис под запретом! – тычу Бейзу в грудь пальцем. – Она юна и хочет того, что от тебя получить никогда не сможет.

– Она тебя старше и получила от меня по самое не балуй.

Что ж, тут я сама напросилась.

– Что бы подумала Халена, если бы узнала, что ты путаешься с моей служанкой?

Бейз пожимает плечом.

– Она тоже там была.

У меня отвисает челюсть. Потом поднимается обратно. И снова отвисает...

Бейз усмехается, отчего на его правой щеке возникает ямочка, а я уже подумываю сбросить его с балкона.

– Мы попробовали такую штуку, когда используешь ка...

Я тут же зажимаю ему рот ладонью.

– Просто... хватит об этом, – ворчу я, сползаю ниже и утыкаюсь в подушку носом.

Бейз прижимает меня крепче и поднимает с прикроватного столика книгу «Цыганка и Король ночи».

– Ну и зря.

– С какой стороны посмотреть.

Слушаю, как он перелистывает страницы.

– Хм, собирался почитать тебе сказку на ночь, но от некоторых моментов в ее содержании мне становится дико неуютно.

– Это романтическая проза. Само собой, для тебя большая мозоль.

– «Если бы мне пришлось выбирать, как истратить свой последний вздох, я бы целовал тебя, пока не ускользну в небытие...» – зачитывает Бейз, фыркает и переворачивает

очередную страницу. – Не хочу тебя огорчать, но так не разговаривает ни один мужчина.

– Он говорит так с *ней*, – выхватываю сраную книгу, захлопываю и сую под подушку. – Она – исключение, потому что она его единственная.

Бейз издает булькающий звук и снова прикладывается к фляжке, на этот раз много дольше.

– Нездоровая книга, – выдавливает он, морщась. – Ее бы в растопку.

– Не могу. Ее одолжила Танис.

Бейз тихо ругается и делает еще глоток, а я сдерживаю улыбку и наблюдаю за игрой темных фигур на стене, что извиваются, уклоняясь от тусклого света, который отбрасывает на них мой пылающий очаг.

Мгновения тянутся, напряженные, как узел тревоги в моей груди.

– Бейз?

– Мм...

– Останешься до утра?

Задерживаю дыхание в ожидании ответа, гоню прочь образ широко раскрытых невидящих глаз. Стараюсь не обращать внимания на притяжение той пропасти – тишины, которая будто простирает ко мне щупальца.

– Конечно, – бормочет Бейз, перегибаясь через меня и задувая свечу. – Яйца мне вообще не так уж и дороги.

Глава 2

Орлейт

Наступает утро, тяжелое, безжалостное, с фантомными зубилами, что долбят мне по вискам.

Я стону, резкая пульсация – болезненное напоминание, что каспун очень далек от идеального противоядия. Он эффективен, да... но не без некоторых поистине отвратительных побочных эффектов, которые с каждой новой дозой становятся все хуже.

Пытаясь разлепить глаза, я похлопываю ладонью по другой стороне кровати – она холодна и пуста.

Похоже, яйца Бейзу все-таки куда дороже, чем он заявлял. Южное окно пронзают золотистые лучи, и я, несмотря на паршивый настрой, сбрасываю одеяло и выскальзываю из постели.

Из-за движения зубила еще сильнее вонзаются в больной мозг, но я волочу ноги к окну и встаю в столпе света, который окутывает меня теплым покрывом. Закатываю рукава, подставляя раннему солнцу, столь редкому в эти дни, больше кожи.

Толкаю двери, выхожу на балкон и, схватившись за балюстраду, смотрю на океан, что часто вздымается под синевато-серым небом. Сегодня он голубой дымкой тянется к осле-

питательному горизонту.

Я оглядываю гладкий изгиб бухты Огрызок, позолоченной утренним светом. Всегда представляю, что из воды выпрыгнуло исполинское существо и отхватило кусок обсидиановой скалы, вот и осталась черная песчаная отмель, усеянная острыми камнями.

Пятилетней мне название казалось очень даже подходящим.

Один край бухты примечателен почти заброшенным причалом – пустым морским порогом, обращенным на запад.

Мое внимание скользит к поросшему лесом северу, движение привлекает мой взгляд туда, где разлапистые деревья касаются обширного поля ухоженной травы.

Из густого древнего леса, что воет ночью и шепчет днем, появляется Рордин. И мое сердце замирает, а в легких не остается воздуха.

Он не один – если, конечно, можно посчитать спутником оленя, которого он тащит на широких плечах.

Из перерезанной глотки капает кровь, прямо на грудь Рордина, а тот широкими шагами идет по травяному ореолу...

Крепче цепляюсь за балюстраду.

Рордин вскидывает голову, его взгляд взмывается вверх, и меня будто пронзают две ледяные стрелы.

Ахаю и отшатываюсь с прижатой к груди ладонью, разрывая контакт.

Из колодца доносится отдаленный стук шагов, который

заставляет меня резко развернуться и обратить внимание на дверь.

– Проклятье.

Бросаюсь внутрь – со стоном, ведь от каждого движения в черепной коробке подпрыгивает мой больной мозг.

Сто сорок ступеней... или около того. Ровно столько мне отмерено на то, чтобы одеться и собрать рассыпавшиеся остатки самообладания, прежде чем Бейз поволочит меня вниз, чтобы задать мне трепку, которую я в данный момент никак не в состоянии вынести.

Вылебав половину кувшина, я срываю с себя ночную рубашку и бросаю ее в сторону корзины для грязного. Натягиваю свежее белье и с наработанной ловкостью заматываю грудь утягивающей тканью.

Шаги все ближе, сердце застревает у меня в горле тяжелым комом.

Хватаю черную рубашку и кожаные штаны, мои любимые, которые достаточно разношены, чтобы в них стало легко двигаться. Когда я уже воюю с пуговицами, раздается окрик Бейза:

– Отметка в двадцать шагов! Надеюсь, ты одета!

Бросаюсь к кровати. Припав к полу, сворачиваю ковер, вонзаю ногти в выемки и поднимаю каменную плиту, под которой скрывается мой тайник.

Двенадцать баночек, до самых краев наполненные горькими белыми узелками, что непосвященному покажутся без-

обидными конфетками. Вот только они определенно не безобидны, и прямо сейчас они мое спасение.

Сунув один под язык, я возвращаю на место баночку, затем плиту и разворачиваю ковер.

Дверь распаивается.

Подскакиваю и бьюсь затылком об каркас кровати.

– Ай.

– Какого рожна ты там ползаешь? – с подозрением шипит Бейз, и я вижу, как его ноги обходят кровать.

Экзотрил тает в кремообразную жидкость, я сразу ее сглаживаю и, схватив с пола старую кисть, вылезаю обратно. Когда наконец оказываюсь на свободе, сердце уже всю гонит кровь яростными, настойчивыми ударами.

Поднимаю взгляд на Бейза, машу перед ним кисточкой.

– Ты только посмотри! А я все голову ломала, куда она подевалась.

Бейз хмурится, внимательно осматривая комнату, особенно полную кистей банку, а потом уже меня саму, в частности мои растрепанные волосы.

– Удивлен, что ты вообще проснулась, – говорит Бейз, прищурив глаза, когда я поднимаюсь на ноги и отряхиваюсь. – Думал, все утро продрыхнешь.

Пропуская замечание мимо ушей, я сосредоточенно принимаюсь расплетать косу, которая ниспадает мне до самого бедра, затем собираю волосы в конский хвост. В комнате, между мной и Бейзом, висит тишина.

Копятся невысказанные слова.

Первым молчание нарушает Бейз, со вздохом суя мне в руки мой деревянный меч.

– Держи. Сгладил зазубрины, теперь он, по идее, не должен расколоться. Разумеется, мне больше нечем заняться, как весь день за тобой бегать.

– Ох, а ты рукастый, – подмигиваю Бейзу, стараясь не прыгать на месте от внезапного прилива искусственно вызванного адреналина, что вытапливает мигрень. – И Рордин тебе платит, чтоб ты был моим другом, так что кончай дуться.

Бормоча что-то под нос, он разворачивается на пятках и уходит к двери. Я шагаю следом и хватаю с крючка сумку. На моих губах играет легкая улыбка. По крайней мере, ровно до тех пор, пока Бейз резко не застывает на месте.

Врезавшись в его спину, я издаю глухое «уф-ф».

– Что...

Мой взгляд падает на разбросанное у ног Бейза нижнее белье.

Ой.

– Отныне мы встречаемся в тренировочном зале. – Бейз содрогается, заставляя себя двинуться вперед. – И больше никаких ночевок.

Делаю шаг и кручусь следом за рыщущим Бейзом, что кружит словно акула. Чувствую его пристальный взгляд на лице, ладонях, ступнях.

Волоски на руках встают дыбом, ощущая в соленом воздухе движение, босые ноги утопают в густой дикой траве.

Каждый мускул напряжен, готовый к прыжку. Каждая уловка, что не сбрасывает меня со скалы, уже само по себе чудо.

Дыхание прохладного морского ветра дразнит ноздри, пытаюсь укротить мое внутреннее волнение...

Не выходит.

– Ненавижу эту дурацкую штуку, – бормочу я с намеком на повязку, закрывающую мне глаза. – Для чего она вообще нужна, кроме как пугать и заставлять меня думать, что я вот-вот шагну с обрыва и разобьюсь насмерть?

Снова сдвигаюсь, еще на четверть оборота.

Все еще живая...

– Лишая тебя зрения, – со вздохом сообщает Бейз, – мы обостряем остальные чувства. Осязание, обоняние...

Морщу нос.

– Кстати говоря, ты бы хоть следы моей служанки с себя см...

– Слух, – перебивает Бейз.

Воздух приходит в движение, а с ним – мои руки и меч в них, отражая удар прежде, чем тот настигнет мое правое плечо.

Резкий оглушительный звон – и удар отдается в руках до самого плеча. Но не сила этого удара вызывает ощущение, что череп раскололся посередине и вывернулся наизнанку.

А звук, с которым сталкивается оружие.

Наши мечи сделаны не из мягкой древесины, как тот, с которым я начала упражняться пять лет назад – тот, который ударялся с глухим стуком и через два месяца раскололся. С тех пор мы совершенствуем мечи, снова и снова.

Нынешние выполнены из окаменелого дерева, твердого, острого, безжалостного.

Режущего.

Блокирую удар в живот, рассекая воздух очередным резким «вжух», словно чиркаю своеобразной спичкой. Чтобы унять горячую волну, грозящую затопить мозг, приходится три раза глубоко вдохнуть, и к этому времени мое терпение превращается в хрупкую веточку, которая готова сломаться.

– Ненавижу эти новые мечи. – Снимаю повязку с глаз и шурюсь на хлынувший в них утренний свет. – Громкие, тяжёлые...

Удар подрубает мне колено сзади, посылая вспышки боли, что пронзают всю ногу.

Захожусь воем и теряю равновесие.

Пальцы ныряют в пушистую траву, принимая на себя весь мой вес, ладонь напарывается на камешек, и в воздухе повисает запах крови.

Судорожно вдыхаю, выгнув спину. Тело отказывается двигаться с места.

– Это ты... ого. – Разглядываю свежую ссадину. – Это исключительно подло.

Бейз рыщет вокруг меня узкими, дразнящими кругами, проходя по краю обрыва так, словно его совсем не волнует, что единственный неверный шаг отправит его в полет вниз до самой бухты.

– С утра пораньше ты слишком рассеянна. – Бейз бросает на меня косой мрачный взгляд, от которого у меня по коже пробегают мурашки. – Встать!

Вскакиваю на ноги, осторожно, чтобы не оказаться слишком близко к обрыву. Прямо впереди, на вершине хребта, возвышается замок – готический, крепкий, он впитывает всякую каплю света, которой не посчастливится на него упасть. Из северного крыла растет моя башня, словно тянувшийся к солнцу стебель.

Каменный стебель.

Часть его увита свисающими с моей глицинии фиолетовыми цветами, а длинная тень ложится на лес Ватешрам.

– Я не рассеянна.

Просто испытываю соблазн швырнуть этот дурацкий меч в бухту.

Хватаюсь за эфес обеими руками, не обращая внимания на жжение в ладони, делаю несколько прыжков с ноги на ногу, чтобы унять комочки энергии, разливающиеся по венам.

– Нападай давай. Прямо вот сейчас. Покажу, насколько я не рассеянна.

Бейз хитро смотрит сквозь взъерошенные ветром пряди волос.

– Нет, Лейт. Я уже говорил, сегодня мы замедляем темп, заставляем тебя сосредоточиться. А теперь надевай повязку, пока я не приказал тебе таскать камни.

Со стоном закатываю глаза.

Мы замедляем темп, когда я всем естеством хочу делать ровно наоборот.

Иногда действие экзотрилла заканчивается быстро, иногда нет. Этим утром оно никак не уходит, превращая меня в бурю необузданного хаоса, а я торчу здесь.

Замедляясь.

Натягиваю гребаную повязку, отрезая вид угрожающей позы Бейза и синяков под его глазами.

– Хочу обратно мой старый меч. А то как будто к основам вернулась.

– Прошла всего пара месяцев. Дай себе привыкнуть к окаменелой сосне. Мне она даже нравится.

Волоски на моей правой руке встают дыбом...

Дерево со свистом рассекает воздух, я отклоняюсь влево и, припав к земле, описываю мечом широкую дугу. Мыслен-

ным взором вижу, как Бейз отпрыгивает назад, чтобы я не рубанула его по коленным чашечкам.

– Рада за тебя, – цежу сквозь стиснутые зубы. – Но я все равно хочу старый меч.

Пусть я не сразу с ним сработалась, но со временем так полюбила – даже потрудилась нарисовать лозы вокруг наверхия.

– Никак нельзя. Мой раскололся, помнишь? Этот твой старый меч тоже слишком мягкий. Мой новый разнесет его вдребезги одним ударом.

Блажь какая.

– А ты не можешь просто... сделать еще один?

– Нет, – раздается сзади голос Бейза, и я рывком разворачиваюсь, готовая к нападению. – Тот снежный дуб был привезен с Глубокого юга много лет назад, когда по реке Норз постоянно ходили торговые суда. Знаю, что новые звучат малость резче, но придется смириться.

Щурюсь под повязкой в сторону, где, по идее, находится Бейз.

– Уверена, ты ровно так же оправдывался, когда мы перешли с огнедрева на белый клен...

Меч снова со свистом несется в мою сторону, парирую, и он соскальзывает, когда Бейз отскакивает. Резкий звук вгрызается, заражает меня собой, вызывает дрожь по всему телу.

Разум опустошается, и я быстро отступаю.

– СТОЙ!

Порыв ветра щекочет спину, дергает конский хвост, заставляя волосы на шее встать дыбом.

– Прямо за тобой обрыв...

Сердце ухает в пятки, и я с визгом прыгаю вперед.

Бейз тихо хмыкает, отчего я сдергиваю повязку и швыряю ее вниз с обрыва, который и правда был прямо за мной.

С лица Бейза стекает все веселье, он подходит ближе и смотрит, как кусок ткани, улетаая, трепещет на ветру.

– Как инфантильно.

– Невелика потеря, – отрезаю я, потрясенная пребыванием на волосок от смерти.

Не к такому азарту я стремилась уж точно.

Бейз вздыхает так громко, что я прекрасно его слышу сквозь очередные завывания ветра.

– Ладно, будь по-твоему.

Бейз отворачивается от обрыва, принимает боевую стойку, расставив ноги, и одаривает меня волчьей ухмылкой.

– Быстро так быстро.

Расслабляю плечи, сбрасываю остатки ледящего кровь страха, подстегнутая садистским вызовом, что нарастает в пристальных глазах Бейза.

– Наконец-то...

– Но пожалуешься еще хоть раз на меч, – перебивает он меня, – и я обменяю его на нечто гораздо, гораздо хуже.

Открываю рот, затем его захлопываю.

Бейз точно так же угрожал два года назад, и я не воспри-

няла его слова всерьез. Позже в тот день я с широко распахнутыми от ужаса глазами наблюдала, как он швырнул сраный меч за мою Черту безопасности, прекрасно понимая, что я ее не переступлю.

На следующий день Бейз вручил мне новый, в два раза громче и тяжелее, и я полгода к нему привыкала...

Изображаю, как застегиваю губы на пуговичку.

Глава 3

Орлейт

—Медовые булочки – лучшая еда. – Слизываю с пальцев масляную начинку, от сливочного взрыва покалывает под языком.

Бейз вскидывает бровь, делает глоток воды и опускает стакан рядом со своей тарелкой яичницы-болтуньи.

– Кухарка слишком уж тебя обожает. После утренней тренировки тебе нужно питаться белком. А не, – Бейз морщится, раздувая ноздри, – этой херней.

Не обращая внимания на прочие разномастные угощения, тянусь к горке булочек рядом с серебряным канделябром, сую в рот сразу две и сверкаю победоносной улыбкой.

Бейз со вздохом качает головой.

– Рордин платит мне слишком мало.

Большие двери, распахнувшись, впускают потоки света и высокого, крепкого мужчину, который уверенно шагает к нашему длинному обсидиановому столу.

Против утреннего сияния приходится щурить глаза, но мне не нужно видеть лицо вошедшего, чтобы сразу понять, кто это. Узнаю его по походке – как у бесстрашного зверя, что вышагивает по своему логову, восстанавливая господство. Узнаю его по тому, как встают дыбом волоски у меня

на заливке от атмосферы, что теперь заряжена ледящим напряжением, свою любовь к которому я ненавижу.

По просторной комнате эхом разносятся парные глухие удары, и двери снова закрываются, заслоня солнце.

Проглатываю все, что набила в рот, наблюдая за каждым плавным, полным силы шагом, и чувствую, как от щек отливает кровь, когда понимаю, что он направляется к стоящим во главе стола приборам.

К пустой серебряной тарелке, которая стоит в знак его присутствия.

Всегда.

Не то чтобы он когда-либо делил с нами трапезу. Поэтому я и настолько потрясена, когда он опускается на стул и лицо оказывается в поле моего зрения...

Я слишком ошеломлена, чтобы реагировать иначе, кроме как пялиться.

Он весь состоит из жестких черт и ледящей решимости – квадратная челюсть, покрытая двухдневной щетиной, что почти скрывает ямочку на щеке.

Ямочка, на которой я так сильно стараюсь заикнуться, чтобы не смотреть на... вообще все остальное. Определенно не на широкие плечи. Не на сильную шею, не на проглядывающую сквозь расстегнутый ворот светло-оливковую кожу.

Он прочищает горло, звук низок и глубок, и мой взгляд тут же устремляется на манящий меня палец.

Молчаливый приказ посмотреть ему в глаза.

В груди становится слишком тесно для легких и трепещущего сердца, но с глубоким вздохом я подчиняюсь.

Смоляные кудри, припорошенные серебром, которое не имеет ничего общего с возрастом, сейчас ниспадают на лоб, наполовину заслоняя меня от свинцовых глаз в обрамлении густых черных ресниц. Глаз, что изучают мое лицо, прежде чем взрезать все тело по частям, словно лезвие бритвы, оставляя меня без единой кости.

– Ты ранена. – Его слова – гвозди, вбитые в слишком неподвижный воздух.

– Просто царапинка, – помахиваю я пострадавшей ладонью. – Ничего серьезного.

– А как же нога? Тоже ничего серьезного?

Проклятье.

– Я...

Его глаза сужаются, а я все лихорадочно подыскиваю слова, чувствуя, как с другой стороны в мое пылающее лицо впивается пристальный взгляд Бейза.

Да, во время тренировки я поранила ногу, а потом предпочла это скрыть, ведь я была так одурманена экзо, что остановиться было бы сущей пыткой.

Беда в том, что Рордин не знает о наших тренировках, и я предпочитаю продолжать в том же духе. Единственной причиной, почему я вообще на них согласилась, стало то, что Бейз однажды проговорился, мол, Рордин бы не одобрил, чтобы я училась сражаться, как его воины. Не буду врать,

что, поступая вразрез с его грубыми убеждениями, я не получаю некоторого болезненного удовольствия.

Однако порез на ноге?.. Не сомневаюсь, что если Рордин его осмотрит, то сразу поймет, откуда он взялся.

– Итак? – интересуется Рордин с жесткостью, которая буквально умоляет меня солгать.

И я делаю то, что выходит у меня лучше всего. Потому что ложь – маленькая хорошенькая маска, которую мы цепляем на слова, чтобы придать им удобоваримый оттенок.

Расправляю плечи, нахожу в себе стержень.

– Да ничего серьезного. Споткнулась на лестнице, отсюда и все царапины.

Слова текут как шелк, но судя по тому, как Рордин вскидывает темную бровь, он знает, что мой язык нечист.

Делаю глоток сока, причмокиваю от резкого привкуса.

– Шагу ступить не умею.

– Говоришь, не умеешь?

– Угу-м.

Рордин откидывается на спинку стула, положив лодыжку одной ноги на колено другой. Его ботинок покрыт грязью, сажей и...

Кровью.

Отвожу взгляд, медовые булочки оседают в желудке кусочками свинца.

Ну, по крайней мере, он сменил рубашку.

– Что ж, тебе стоит быть поаккуратнее, – упрекает меня

Рордин, взмахом руки отсылая служанку, которая пытается налить ему сок из большого запотевшего графина. Она одета в традиционные для наших земель тряпки: черные штаны, черная ливрея, черные ботинки. На лацкане мерцает серебряная брошь со знаком Рордина – серпом луны, пронзенным одиноким клинком. – После завтрака Танис тобой займется.

Украдкой бросаю взгляд на свою удивленную служанку, которая подпирает стену незатейливого обеденного зала, вскинув каштановую бровь.

Танис давно привыкла к порезам, синякам и ожогам, которые я получаю на тренировках.

Чтобы разрядить неловкую атмосферу, я кладу себе на тарелку еще пару булочек, будто не утратила весь аппетит, ед-ва Рордин вошел в зал.

Он скрещивает руки на груди и бросает пронзительный, леденящий взгляд через стол.

– Бейз, – тяжело, словно это не слово, а валун, роняет Рордин.

Сдерживаюсь, чтоб не вздрогнуть, и смотрю влево. У Бейза дергается кадык.

– Ей приснился кошмар.

Воцаряется тишина, потрескивает напряжение. Потягиваю апельсиновый сок и маринуюсь в потоке беззвучных слов, которые будто бы обладают собственным вспльчивым сердцебиением.

– Поговорим об этом позже, – рокошет Рордин, в голосе

звучит мрачное обещание чего-то неприятного.

У меня по спине пробегает дрожь.

– Конечно, – хрипит Бейз и отодвигает тарелку с яичницей в сторону.

Такая уж у Рордина способность – выдрать тебя из приятной атмосферы и задавить своей беспощадной аурой.

Я чищу мандарин, который не собираюсь есть, и делаю вид, что меня не существует.

– Почему ты выходил так поздно? – Бейз пристально смотрит на Рордина, закатывая рукава.

– Прибыл срочный спрайт. Разведывательный корабль вернулся раньше, чем ожидалось. Я отправился к ним на встречу.

Бейз застывает.

– И?

Рордин почти незаметно качает головой.

Глядя на мандарин, я веду бой против его упрямой кожуры и хмурюсь так сильно, что меж бровей, наверное, навсегда останется бороздка.

Безмолвные беседы Рордина и Бейза всегда задевают меня за живое.

– Орлейт? – прерывает мои размышления голос Бейза, и я поднимаю взгляд. – Какие планы на день?

– Тебя платят, чтоб ты за мной следил. Ты явно знаешь мой распорядок лучше меня самой...

Бейз пожимает плечами.

– Ты не всегда выполняешь дела в одном порядке. Что первое?

Он прав. Мой распорядок дня и правда зависит от погоды, от того, насколько сильно Бейз надрал мне задницу на тренировке, и от того, посещает ли кто-то поместье.

Но все-таки...

Он завел пустой разговор, а он никогда так не поступает, и мне становится неуютно. Бейз либо пытается отвлечь мое внимание, либо у него иные намерения.

– Ну, сперва я, наверное, навещу Кухарку... проверю лоушку... ой! – Едва не вскрикиваю, слегка подпрыгнув. – Только что вспомнила. Вчера я закончила рисовать подарок для Кая. Надеюсь, все высохло и я смогу его подарить Каю уже днем.

В зале резко становится холодно.

Бейз делает глоток сока, затем выдает мне приторную улыбочку.

– Прости, что спросил.

Прости, что?..

Мое внимание привлекает Рордин – и я тут же натываюсь на его мрачный, каменный взгляд.

Ох.

– Тебе не нравится Кай?

Барабня пальцами по бицепсу, Рордин сжимает губы в тонкую нитку.

– Я этого не говорил.

– У тебя на лице написано.

Он вскидывает бровь. Зуб даю, в его глазах-озерах кружат завихрения.

– Ты нас так и не представила. Как он может мне не нравиться?

Я открываю рот и закрываю его обратно, задыхаясь под тяжестью пристального взгляда.

Ненавижу, когда Рордин так делает. Бросает мне вызов, заставляя выйти за пределы зоны комфорта. Пилит меня так, будто я нечто, требующее починки.

Уединенное существование, привычные дела, отдушина в виде побега к бухте каждую неделю... они держат меня в узде, и я не рискну запятнать нашу с Каем дружбу, лишь чтобы удовлетворить властный нрав Рордина. Кай – единственное, что принадлежит мне по-настоящему.

Опустив взгляд, смотрю на горку мандариновой кожуры, которая наполняет воздух своим горьковатым ароматом.

– Так я и думал, – рокочет Рордин, и я стискиваю кулаки так сильно, что от ногтей на ладонях остаются маленькие полумесяцы.

Ублюдок.

Сейчас мне даже нравится, когда его место пусто. Потому что это... Не приносит никакого удовольствия.

Ожидать обычной, непринужденной беседы, очевидно, не придется. Если бы я знала, что он явится сюда ломать мои границы, я бы покинула зал в ту же секунду, как он вошел.

Вместо этого я позволила своему трепещущему сердцу заманить меня в его ловушку.

– Я все, – говорю, вставая. – Культурная программа, все дела. Я, знаешь ли, очень важная персона.

– Сядь, Орлейт.

Приказ в голосе Рордина подсекает мне колени ударом. Мой зад шлепается обратно на стул, кулаки сжимаются еще сильнее, лицо пылает.

Рордин наверняка знает, какое влияние на меня имеет. И, судя по тому, как приподнялись уголки его губ, я уверена, что он использует это знание в своих интересах.

Расцепив руки, Рордин проводит большим пальцем туда-сюда по нижней губе и пристально меня изучает.

– В конце недели, в дни следующего Трибунала, я устраиваю бал.

Его слова – удар мне в грудь.

– Б-бал?

– Да. А также Конклав для владык и владычиц. Уже разослал спрайтов. В течение нескольких дней тут появится множество новых лиц.

В его тоне звучит определенная мелодичность, от которой у меня деревенеет спина. Заставляет меня прислушиваться ко всем словам, которые он *не* произносит.

Вызов.

– Не понимаю. Ты никогда не проводил балов. Или Конклавов.

Говорю ровно, чудом скрывая то, как сердце ведет отчаянную войну с ребрами.

– С тех пор как ты здесь – нет. Но обстоятельства меняются. Мне нужно укрепить связи, унять любопытные умы.

– Ладно... ну, спасибо, что дал знать. Буду держаться от всех подальше, – произношу я скорее как вопрос, нежели как утверждение.

Прощупываю.

Рордин меня еще не отпустил, я это чувствую. Он явился сюда, затаив злобу, и теперь ею взрезает скорлупу, которой я от всех отгородилась.

Его глаза темнеют до глубокого цвета грозовой тучи.

– Нет, Орлейт. Ты будешь присутствовать на балу.

Втягиваю воздух сквозь зубы, словно получила удар.

Присутствовать? Какой в этом прок? Не нужно никому меня видеть. И мне уже точно не нужно видеть их.

– Почему?! – выпаливаю я, но Рордин даже не вздрагивает. Даже не моргает.

– Потому что ты – загадка. Девочка, которая пережила налет врук в нежном возрасте двух лет.

– Какое это имеет отношение к...

– Ты отсиживаешься у себя, когда на земли замка ступают новые гости, и отказываешься участвовать в Трибунале.

Ну, началось.

– Неправда. Раньше я участвовала.

Как бы.

– Дважды. И, если я не ошибаюсь, большую часть времени просидела в тени.

Тени куда дружелюбней таращащихся взглядов.

Шепотков.

Костяшки сжатых кулаков сводит от напряжения.

– У меня нет бед, о которых стоит говорить во всеуслышание, нет интереса к тому, что хотят сказать другие. И, следовательно, нет причин присутствовать на Трибунале. Вот и все. Наказывать меня здесь определенно не за что.

Рордин вскидывает бровь, сощуривается.

– Говоришь, нет интереса?

– Ноль, – практически рычу я, замечая, как напрягаются на щеке Рордина желваки, едва слово слетает с моих губ.

– Что ж, – цедит Рордин. – Чтобы ложь не встала тебе поперек горла, предложу смочить ее глотком правды. Тебе почти двадцать один. Я не вижу с твоей стороны никаких попыток преодолеть страхи, и мое терпение иссякает. Стремительно. Ты не хочешь знать, что случится, когда оно лопнет.

Перед глазами живо встает образ, как меня вышвыривают за Черту безопасности. Кровь леденеет в жилах настолько, что даже огонь, потрескивающий позади меня, не способен ее растопить.

Определенно следовало уйти в тот же миг, как Рордин сюда заявился.

– Как я уже сказал, ты – загадка. А люди боятся загадок, Орлейт. Они начинают все искажать, лишь бы придать про-

исходящему смысл. Не хватало, чтобы на моей земле и дальше царил раздор. – Рордин подается вперед, ставит локти на стол, сцепив руки в замок. – Мне нужно, чтобы они увидели, что ты – это просто ты. И ничего больше.

Желудок вдруг тяжелеет, меня вот-вот стошнит медовыми булочками прямо на стол.

Просто я.

Ну да.

Опускаю взгляд в тарелку, сглатываю комок желчи, подкативший к горлу.

– Ненавижу толпы.

Произношу слова тихо, но четко. Их цель – дать отпор кружащему хищнику.

Впрочем, это не совсем верно. Мне нравятся толпы, пока я наблюдаю за ними издалека.

Но Рордин говорит, что я должна стать их частью.

– Я известил тебя сильно заранее. Не обязательно оставаться на балу долго, но присутствовать ты будешь.

С тем же успехом Рордин мог бросить меня на произвол судьбы в лес, чтоб меня пожрала заживо древняя листва. Это он тоже способен устроить.

В конец концов, я его подопечная.

Это я вторгаюсь в его жизнь, а не наоборот, поэтому мне и правда следует стараться быть поговорчивей. Бал меня не убьет, а вот пинок за Черту безопасности – вполне.

– Еще что-нибудь? – цежу я, отдирая ногти от истерзан-

ных ладоней.

У Рордина трепещут ноздри. Самую малость, но я замечаю.

– Я поручил портному сшить тебе... – он прочищает горло, – платье.

Пялюсь на него, широко распахнув глаза.

Бейз тихонько хмыкает, и я ловлю себя на сожалении, что на столе не лежат ножи и вилки, которые я видела в книгах с картинками, – утварь, которую Рордин запретил держать в замке. По всей видимости, когда я была маленькая, звук их скрежета по посуде заставлял меня свернуться калачиком под столом с хлещущей из носа кровью, но ими было бы очень удобно пырнуть этих двух мудаков, чтоб так явно не веселились на мой счет.

– Его помощница готова снять с тебя мерки в полдень и сделать выкройку.

Прелестно. Еще одна попытка.

– Дольси всегда меня колет. А Говард не может?

Он еще ни разу не пустил мне кровь, когда подгонял штаны. У него нежные руки. А вот Дольси...

Уверена, у нее на меня зуб.

– В полдень в портновском крыле тебя будет ждать Дольси.

Уже открываю рот, но простой наклон головы Рордина, почти кошачье движение, заставляет слова застрять, не миновав губ.

Резко выдыхаю и смотрю на закрытые двери, дрыгая под столом ногами.

Мне нужно убраться отсюда.

– Все? – Интересуюсь, не глядя, и понимаю, что Рордин кивает, по тому, как спадает между нами напряжение, будто кто-то взял клинок и разрубил эту связь.

Подхватываю с пола сумку и стремительным шагом по прямой удаляюсь в поисках глотка свежего воздуха для окаменевших легких и по пути утаскиваю с тарелки Бейза яблоко.

– Эй!

– Сам ты эй, – бормочу я.

Вместе с каждым полным разочарования движением бедер покачивается тяжелая копна моих волос.

– Я думал, ты ненавидишь яблоки!

Двое крепких слуг распахивают двери, и меня окутывают лучи солнца. Сверкаю через плечо ухмылкой.

– Их любит Кай, – подмигиваю я Бейзу и, выходя, слышу, как ворчит Рордин.

Глава 4

Орлейт

По запахам, которые доносятся с кухни, всегда можно определить время суток.

В полдень властвует сочная, томящаяся дичь. Вечер наполнен обжаренными на огне корнеплодами и яркими приправами. Ночью в воздухе витают кислые нотки маринадов или сладость засахаренных ягод, что превращаются в желейное варенье. А по утрам, как сейчас, доносится дрожжевой аромат свежее испеченного хлеба...

Мое любимое время суток.

Осторожно просачиваюсь на шумную кухню, бурлящую веселой болтовней. Сюда часто заглядывают незнакомцы из лесных общин и племен, которые доставляют фрукты и дичь, и за годы я научилась действовать с оглядкой.

Всегда.

Спасает от чужих взглядов и шепота, который не бывает достаточно тихим.

Лекс, первая помощница, по локоть в тесте вовсю с ним борется. Она одаривает меня дружелюбной улыбкой, от которой озаряются ее глаза цвета морской волны.

– Все чисто.

Улыбаюсь в ответ.

Все остальные понимают, что я не желаю ни на шаг ступить за пределы своего безопасного, привычного существования.

Пузыря, что меня защищает.

Вдыхая полной грудью аромат сдобы, я прохожу дальше в комнату, таящую в себе сердце замка – женщину с раскатистым смехом, способную скрасить ваш день своими полезными рецептами.

Беру с маленькой тарелки у очага дымящуюся булочку, разрываю мягкое, упругое тесто на две части. Провожу пальцем по комку коричне-орехового масла, размазываю его по выпечке и от души откусываю.

– Утро доброе, девчушка! – кричит Кухарка, и я, развернувшись с набитым ртом, машу ей в ответ рукой.

Розовые с прожилками серебра волосы Кухарки собраны в тугий пучок, карие с рыжинкой глаза радостно поблескивают. Покачивая полными бедрами, она ставит на плиту большую медную кастрюлю так, что через края хлещет вода.

С тарелкой в руке я огибаю кухню, чтоб шмыгнуть в подвал, полный мешков зерна, головок созревающего сыра и здоровенных бочек вина. Мягко коснувшись коленями холодного камня, ставлю тарелку рядом и протягиваю руку к круглому воздуховоду в стене. Извлекаю оттуда цапалку – мышеловку, сделанную из выдолбленной ветки дерева, некоторого количества свернутого металла и капельки изобретательности.

Поднимаю ее, заглядываю в малюсенький глазок – такой, что пролезет разве что нос грызуна.

В другом конце ловушки свернулась калачиком крошечная перепуганная мышка, которая, очевидно, питает столько же любви к коричнево-ореховому маслу, сколько и я.

– Сегодня не твой день, – бормочу, открывая задвижку и поднимая крышку, после чего просовываю руку внутрь и достаю извивающуюся живность за хвост.

– Жирненькая? – интересуется сзади Кухарка, от звука ее теплого, грубоватого голоса меня мгновенно затапливает облегчением. – У меня тут здоровенный паразит в мешке дыр понаделал, надеюсь, это ты его изловила.

– Обычная, – отвечаю я, глядя, как бедняжка раскачивается взад-вперед в попытках извернуться и укусить меня.

Кухарка разочарованно хмыкает, а я, порывшись в сумке, достаю банку с отверстиями. Откручиваю крышку одной рукой, опускаю мышь внутрь и сразу же закрываю обратно. Затем размазываю остатки масла по внутренней стенке цапалки и возвращаю ее обратно в дыру.

– Есть пожелания? – спрашивает Кухарка, и я улыбаюсь, бросая на нее взгляд через плечо. – Лучше выдавай-ка их пораньше. В ближайшие недели кухня будет по уши в работе. У нас годами балов не случилось.

Прочищаю горло и, встав, прячу мышь в сумку. Стараюсь не обращать внимания на тяжесть, что вдруг ложится мне на плечи.

– Как насчет яблочных рулетиков, которые часто делали, когда я была маленькой?

Кухарка сводит брови.

– С лимонно-ирисковой глазурью?

Киваю, вытирая испачканные в масле пальцы об одежду.

– Ты постоянно их выпрашивала, когда тебе было грустно...

– Я в порядке, – лгу, вымучивая очередную улыбку. – Просто у меня на дереве полным-полно лимонов. Принесу их попозже.

– Хм, хм.

Время сменить тему.

– Как поживает внучка? Добралась вчера до Карделла, чтобы с ней повидаться?

Кухарка довольно раздувает щеки. Ее дочь и зять выращивают трюфели в соседней деревне и недавно родили первое, долгожданное дитя.

– Добралась. И малышка упитанная в отличие от тебя. – Оглядев меня с головы до ног, Кухарка цокает языком и качает головой. – В один прекрасный день я найду способ нарастить мяска на твои косточки. Помяни мое слово!

Последнюю фразу мы произносим хором, и я смеюсь, забрасывая сумку на плечо.

– Теперь иди, – прогоняет меня Кухарка. – Суп сам собой не сварится. Приноси лимоны, как раз попьем чайку. Расскажу тебе все о моей крошке.

– Жду с нетерпением. – Приподнимаюсь на цыпочки, чтоб запечатлеть на усыпанной веснушками щеке поцелуй, затем подхватываю свою тарелку и, оставив ее в раковине, спешу на выход.

Мышка питит, недовольная тряской, пока я трусцой бегу по холодному, пустынному коридору с пылающими на стенах факелами. Добравшись до развилки в виде буквы «Т», я сворачиваю налево, замедляю шаг у мощеной арки по правую руку – той, что на вид ничем не отличается от всех прочих арок в этом огромном замке.

Только на вид.

Это один из тридцати семи входов в Перепутье – заброшенный лабиринт коридоров посреди замка, которые изгибаются, изворачиваются, разделяются и ведут в места, труднодоступные иным образом.

Мое секретное оружие.

Эти коридоры ведут повсюду и везде, если знать, как ими пользоваться. Некоторые выныривают дверями, невидимыми с непривычки, другие, несмотря на необычный путь, уходят во вполне обычные места.

Возьмем, к примеру, люк на пятом этаже – туннель, который выплюнет тебя в подземном хранилище, хотя за всю дорогу ни разу не покажется, что он хоть капельку поднялся или опустился.

Короче говоря, в них легко заблудиться без четкого понимания, которому я столько раз училась на собственном горь-

ком опыте.

Все удивляюсь, как не осталась украшать какой-нибудь туннель своим обезвоженным трупом.

Теперь замок Нуар – мой личный город, как те, о которых я читаю в множестве книг, что хранятся в Корешках, гигантской библиотеке.

Коридоры – это улицы. Кухня – пекарня, которая оплачивает мои услуги по избавлению от мышей лучшими булочками с коричнево-ореховым маслом. Спальни – дома, наполненные стойкими запахами людей.

Как Логово – личные покои Рордина.

Мысль о том, что скоро целых два дня все здесь будет кишеть незнакомцами, лежит у меня внутри твердым камнем.

У развилки туннеля я сворачиваю налево – и краем глаза вижу девочку, что скорчилась на полу у стены.

Застываю как вкопанная.

Оглядываюсь, и в горле встает горький ком.

Ей, наверное, не больше семи-восьми лет, она дрожит, чернильные волосы спутанным саваном ниспадают на плечи.

Не думаю, что она успела меня увидеть или услышать. Потому, вероятно, что я передвигаюсь по замку словно призрак, мои босые шаги мягче легкого вздоха.

Всегда.

За годы я научилась двигаться вместе с воздухом и сливаться со стенами, с тенями, несмотря на длинные золотистые волосы, которые изо всех сил стараются, чтоб я выде-

лялась.

Прочищаю горло, и девочка вздрагивает – тут же устремляет на меня дикие, полные страха глаза.

Выставляю перед собой руки, стараясь показать, что не представляю никакой угрозы, хотя из сумки то и дело доносится гневный писк.

– Потерялась? – спрашиваю я, присаживаясь на корточки.

Девочка кивает, личико-сердечко бледней луны.

– Ч-что с твоим голосом?

Рука сама собой взлетает к горлу, словно жалкий щит.

– Пострадала, когда была маленькой, – шепчу в ответ. – Поэтому выходит... вот так.

Хрипло. Вечно изломанно и резко, словно за целый день ни разу не промочила горло. Не мягкий, медовый голосок, как у некоторой прислуги. И близко не мелодичный щебет моей Танис.

– Ой... – отзывается девочка, все еще сжимаясь в комок. Наблюдая.

Хорошо, что она больше ничего не спрашивает, ведь я не знаю, что бы ответила. Единственные воспоминания о ночи, разрушившей мое горло, приходят ко мне во снах.

Крики, чадающее пламя, пронзительный царапающий скрежет, въевшийся так глубоко, что на моей душе остались неисцелимые шрамы. Рана, что мешает вести нормальную жизнь, без страха, что любой резкий звук влечет за собой атаку.

Вымучиваю улыбку.

– Давай-ка поищем твоих родителей?

– У меня их нет...

Улыбка меркнет, обрывается сердце.

Внезапно вижу в изумрудных глазах тьму, ту самую, неотступную, которая хорошо мне знакома.

– Ну, – стараюсь я говорить бодро, – а откуда ты сюда пришла?

Девочка шмыгает носом и вытирает щеки пышными рукавами.

– Из больших блестящих дверей.

Крепость.

Двери, за которые мне запрещено ступать. Неизведанная зона, которую предстоит исследовать.

Вспоминаю скелет, что однажды обнаружила у стены неподалеку оттуда...

Справедливости ради: я же обязана вернуть ребенка.

– Тебе повезло, я прекрасно знаю, где эти самые двери.

Протягиваю к ней руку, словно мостик между нами.

Девочка внимательно ее изучает, потом опускает взгляд на мою сумку.

– А у тебя там есть вкусненькое? Или только мышка?

Вскидываю бровь.

– Писк слышно, – с робкой улыбкой поясняет девочка.

– Умница, – хвалю я, выуживая банку с ирисками, затем откручиваю крышку и предлагаю угощение. – По одной в ла-

дошку. Раз угадала содержимое сумки.

У девочки загораются глаза, она сует обе конфеты прямо в рот и позволяет мне поднять ее на ноги.

Мы шагаем в тишине, держась за руки, и чем дальше спускаемся по кривым лестницам и безмолвным переходам, тем сильнее становится хватка малышки. Когда я наконец помогаю ей пролезть в люк в высокий коридор четвертого этажа, у меня остается ощущение, будто все пальцы покрыты синяками.

Возвращаю ковер на место, стряхиваю паутину с платяца девочки, затем поворачиваюсь к Крепости, что нависает над нами, словно вход в подземный мир.

В этом коридоре, неестественно длинном на вид, нет окон. И уж точно нет других дверей, вполнину столь интересных, как эти.

Большие факелы по обе стороны двойных дверей без ручек придают им золотистый блеск, в гладком камне, словно в зеркале, видны наши отражения. Не обращая внимания на свое, я шагаю вперед и четырежды стучу. Каждый раз отдается эхом.

Эдакое насмешливое сердцебиение.

Девочка у меня за спиной шаркает ножками, механика приходит в движение, и дверь открывается, словно пасть чудовища, правда, ровно настолько, чтоб выпустить дородного зверюгу-мужика, слишком хорошо мне знакомого.

Джаскен. Хранитель Крепости. Или, по крайней мере, так

его называю я.

Он одет в типичный наряд западной стражи – черные штаны, сапоги до колен и потрепанная на плечах темная куртка. Левую сторону груди и одну руку защищает подобная текучим чернилам броня.

Если б я могла заползти ему внутрь, там хватило бы места на троих таких, как я. Причем удалось бы даже поерзать и устроиться поудобнее.

Он смотрит на меня сверху вниз маленькими настороженными глазками, и я сверкаю ему ослепительной улыбкой.

– Орлейт, – рокошет он с удивительной теплотой в голосе.

Если такой услышать, можно подумать, что говорит полнейший тюфяк.

– Джаскен, – склоняю я голову в знак приветствия. – Прекрасный день для прогулки.

Кустистая бровь вскидывается чуть ли не к линии рыжеватых волос.

– Не сомневаюсь. Как-то ты скоро вернулась.

Вот сейчас обидно.

– Твой осуждающий тон мне неприятен. С тех пор как я была здесь в последний раз, прошло целых два дня. – Пожимаю плечами. – Так вот, у меня тут, – билетик, – кое-кто. Я нашла ее в Перепутье.

Клянусь, он приподнял уголок рта. Но сказать наверняка трудно, из-за поросли цвета ржавчины, которая закрывает половину его лица.

– Где?

Закатываю глаза и подталкиваю девочку вперед. Она пляшется в пол, сцепив пальчики.

Джаскен опускает медовые глаза, потом ныряет головой за дверь.

– Вестеле!

Съеживаюсь.

Легкие у Джаскена ого-го.

В проеме, ковыляя, показывается вертлявая женщина – лицо осунулось, щеки красные, жесткие волосы собраны в такой тугий пучок, что почти разгладились годы, запечатленные вокруг бледно-голубых глаз.

– Аника! Кваты проклятые, где ты шлялась?!

Голос бьет по ушам, но больше всего жалит взгляд – две ледяные булавки, что вонзаются в меня и малышку.

Она тащит Анику за двери, и, прежде чем скрыться из виду, бедняжка едва успевает глянуть на меня через плечо.

Пытаюсь шмыгнуть следом, но путь и обзор мне преграждает Джаскен – гигант, непроницаемая стена. Судя по тому, как округлились его щеки, где-то под жесткой порослью он усмехается.

Стерла бы ухмылку с грубоватой рожи, если б он не был таким, чтоб его, высоченным.

Хмуро упираюсь кулаками в бедра.

– Ты относишься к работе слишком серьезно.

– Ты это уже не раз говорила. – Он склоняет голову: –

Орлейт.

Со вздохом роняю потяжелевшие руки вдоль тела и возвращаю жест.

– Джаскен.

Так начинается мое позорное отступление.

Не первое и сомневаюсь, что последнее.

Глава 5

Орлейт

Замок Нуар кишит секретами, и большинство их не мои. Они принадлежат Рордину или его древним предкам, о которых никто никогда не заговаривает.

Однако этот – мой.

Дверь стара, дерево все поистерлось, и замок заржавел в подтверждение этого. Когда я впервые наткнулась на это место десять лет назад, последний отчаянно сопротивлялся моей шпильке и решимости столь крепкой, что я аж зубами скрежетала.

Вытаскиваю из скобы горящий факел, приоткрываю дверь. Оттуда изливается тьма, она будто воет, заставляя пламя мерцать, когда я вглядываюсь в зев мрачного прохода.

Шепот.

Во всем старинном замке это место почему-то кажется еще древней. Словно пол там изнашивали десятилетия шагов, пока дверь не заперли и не позабыли к ней проход.

А потом появилась я.

Ступаю в коридор и пылающим маяком зажигаю первый факел на пути, освещая часть моего шедевра.

Коридор уходит глубже в мрачное нутро замка, но я не знаю насколько. Чем дальше забираешься, тем сильнее давит

темнота.

Тем холодней она становится.

Мне еще только предстоит добраться до ее конца.

Прохожу пятнадцать шагов по широкому коридору, затем зажигаю второй факел, оживляя светом стену слева и очередную часть своей мозаики.

На эту фреску ушла добрая часть тех десяти лет, камень за камнем, каждый – произведение искусства. Маленькие, рассказанные шепотом истории, что я на них нарисовала, складываются воедино в большие всепоглощающие картины, на которые я часто стараюсь закрывать глаза.

Иду дальше и зажигаю больше факелов, но становится так холодно, что пятый едва ли дает достаточно света для работы. Я останавливаюсь на краю пропасти между светом и тенью, глядя в океан черноты, который, кажется, способен поглотить меня без остатка.

Опускаюсь на колени, кладу факел рядом и открываю сумку. Достая из-под пищущей мышки камень, завернутый в марлю, чтобы сберечь от повреждений новый шепот.

Разворачиваю слой за слоем и нежно провожу кончиком пальца по мельчайшим мазкам кисти, из которых соткан юноша. Он сидит на земле, скрестив ноги, посреди клумбы черных цветов. В глазах сияют белые искорки, волосы растрепаны.

Он тянется, растопылив пальцы в вечности, и пусть я понятия не имею, что ему нужно, он выглядит счастливым. Как

смех, что вот-вот разразится.

Моих губ легонько касается грустная улыбка.

Достаю банку самодельного раствора, откручиваю крышку и погружаю в смесь кухонный нож. Прямо передо мной щель в стене, я смазываю ее раствором и вжимаю туда шепот.

Откинувшись назад, изучаю то, что могу рассмотреть здесь, на самой границе света.

В том и суть этого места: как ни расположись, никогда не увидишь всю историю сразу. Лишь фрагменты, которые нужно собрать воедино в уме.

Если вспомнить те всепоглощающие картины, которые я увековечила на стене, мне это всегда казалось скорее благословением, чем проклятием.

Кивнув сама себе, снова роюсь в сумке и достаю маленькую алмазную кирку. Присматриваюсь к следующей цели, скрытой тенью...

Единственному камню, не сожранному голодной тьмой полностью.

Что бы я на нем ни изобразила, оно будет видно лишь наполовину, и, хотя в этом есть нечто поэтическое, эпохе настанет конец. Если мне каким-то чудом не удастся зажечь еще один факел, придется начать противоположную стену или вообще бросить затею, и я не уверена, нравится ли мне хоть один вариант.

Снова встаю на колени, принимаюсь осторожно постукивать по старому раствору, чтобы отделить камень от его ни-

ши. Он слегка подается – еще один удар – и падает в мне в руку, словно сгусток тени.

Из этого черного камня сделан весь замок, некоторые комнаты вырублены прямо в склоне горы. Другие места, как этот коридор, выстроены из его фрагментов размером не больше двух моих кулаков.

Кладу камень в сумку и встаю, вглядываясь во мрак...

Может, пришло время попробовать еще раз.

Поднимаю с пола факел, набираю побольше воздуха в легкие, заносу ногу над мерцающей границей.

Спустя каких-то два удара сердца огонь начинает потрескивать, но я продолжаю... продвигаться.

Глубже.

С каждым гулким шагом мой пляшущий шарик света все сильнее сжимается, уступая стремительно падающей температуре, от которой дыхание вырывается белыми облачками пара.

Приноравливаюсь шагать с каждым выдохом, и, несмотря на пронизывающий холод, у меня на загривке выступает пот...

Наверняка следующий факел всего в паре шагов.

Шаг, вдох.

Шаг, вдох.

Шаг, вдох.

Пламя шипит, легкие подводят, я замираю... и следующий выдох истекает молочной дымкой, которая каким-то

образом гасит огонь полностью, окуная меня с головой в море тьмы.

Забываю, как двигаться. Как дышать, думать, моргать.

Факел с грохотом падает на пол, а потом скачет, скачет, скачет, будто вниз по лестнице. Натиск эха подталкивает меня отмереть. И я, рывком развернувшись, несусь навстречу обещанию света, и каждый волосок на загривке встает дыбом, будто за моим побегом что-то следит.

Когда я наконец ныряю в свет, у меня подкашиваются ноги и я приваливаюсь спиной к нераскрашенной стене – дыхания не хватает, легкие норовят вытолкнуть друг друга, сердце выбрасывает по венам крошечные огненные разряды.

– Ты снова победила, – хриплю я, бросая на тьму косой взгляд.

Глава 6

Орлейт

Спускаюсь по жутким, вырубленным в отвесной скале обсидиановым ступеням, которые ведут в бухту Огрызок. Всякий раз, как сумка ударяется о бедро, из нее доносится возмущенный писк. В небе, словно часовой, торчит Каменный стебель, отбрасывая на бледный океан длинную тонкую тень.

Уже в самом низу я спрыгиваю и приземляюсь по щиколотку в черный песок, что, кажется, поглощает собой свет. Нежный бриз оставляет на коже соль, глаза сами собой закрываются, меня убаюкивает мягкий плеск волн, и я представляю себя растением, которое пускает корни в шелковистый песок...

Никогда не пойму, зачем все носят обувь. Лишают себя таких ощущений.

Когда я открываю глаза, взгляд тут же привлекает идеально круглый камень у самой кромки воды, будто океан преподнес мне подарок.

С широкой улыбкой бросаюсь вперед, представляя все, что могу изобразить на гладкой поверхности, и убираю камешек в сумку.

Бегу трусцой к правой стороне бухты, даже не глядя на длинный деревянный причал, который наконец-то пригодит-

ся, когда Рордин проведет бал, о котором я стараюсь не думать, поскольку в данный момент избегаю примерки платья.

Камни того же цвета, что и песок, но они не щадят мои босые ноги. К счастью, я знаю, куда наступать, чтобы они не сумели вонзить зубья слишком уж глубоко.

Приближаюсь к кромке воды, и оттуда, из пены, выныривает знакомая голова. Белые волосы зачесаны назад, открывая острые углы лица.

– Сокровище? Ты никогда не спускаешься сюда в это время, – говорит Кай вместо приветствия глубоким, шелковистым голосом.

Моей кожи мягко, словно легкие порывы ветерка, касается постоянная, невидимая пульсация, которую источает Кай. Я называю это его биением и по нему всегда понимаю, что Кай чувствует.

Сбросив сумку с плеча, опускаю ее на камни, затем перекидываю вперед косу и принимаюсь теревить кончик.

– Разве?

Кай щурится, подается вперед – под поверхностью скользит его длинный серебристый хвост.

– Чего ты избегаешь?

– Примерки. – Отряхиваю штаны и пожимаю плечами. – Не смотри на меня так, я ненавижу платья.

– О, я осведомлен. Отчетливо помню, как ты приказала мне засунуть дурацкий предмет гардероба на самое дно расщелины, чтобы тебе больше никогда не пришлось его видеть.

Сколько... десять лет назад? Семь? Пять? Теряю счет.

В последний раз, когда я присутствовала на Трибунале.

Я обеими руками за наряды, которые скрывают фигуру, но в той дряни я едва проходила в дверь. В итоге привлекла взгляды всех глаз без исключения.

Присев на корточки, вытаскиваю из волос Кая кусочек водоросли, выбрасываю его в сторону.

– Тебе оборки идут. А мне... не очень.

– Я тебе не верю. И я видел, ты что-то подобрала с пляжа. Что там?

– О да! – Вытаскиваю из сумки свой идеальный кругляш и стряхиваю с него песок. – Только посмотри на это великолепие. Ты когда-нибудь видел такой гладкий камушек?

Кай берет его из моей руки, разглядывает со всех сторон и морщит нос.

– Не люблю такие.

Я ахаю.

– А ну возьми слова назад!

Его текущий смех расходится рябью по воде, и я, выхватив камень, закатываю глаза. А потом достаю большее красное яблоко и взмахиваю им, отчего смех Кая замолкает.

Мгновенно.

Кай водит за яблоком взглядом, словно зачарованная змея, глаза сверкают изумрудами в лучах солнца...

Загипнотизированные.

– Ну прости, – умоляет Кай. – Я тебя люблю, а твои на-

выки поиска сокровищ столь же дивны, как и твой идеально гладкий камешек.

– Извинение... просто фантастика.

Подбрасываю яблоко, и Кай так быстро его сцапывает, что я вижу лишь размытое движение.

– Я мигом, – выпаливает он, прежде чем нырнуть вглубь вихрем стальных чешуй и длинных волнистых плавников.

Через минуту Кай возвращается с пустыми руками, спрятав яблоко где-то под блестящей поверхностью воды.

Он склоняет голову набок и придвигается ближе, не сводя глаз с моих сложенных ладоней, словно чувствует, что в них скрывается сокровище.

– Что у тебя там? – Биение касается моих пальцев – мягкий, пытливый толчок, побуждающий их разжать.

Прикусив нижнюю губу, с пылающими щеками, я раскрываю ладони и придвигаю к нему то, что скрывала.

Кай распахивает глаза шире – водовороты, заключенные в сферу.

– Это же...

– Камень, который ты дал мне на прошлой неделе? Ага, – бормочу я, усаживаясь. – Я э-э... для тебя его раскрасила.

Биение осекается, будто он только что подавился воздухом.

Кай пялится на меня так долго, что я успеваю покрыться потом, поэтому я хватаю его руку и вкладываю подарок прямо в ладонь. Потом опускаю взгляд на свои сцепившиеся

пальцы.

– Чтобы получить правильный тон красного, пришлось использовать чуточку крови. Немного старомодно, но надеюсь, что ты не против. И, к слову, краска водостойкая. Помнишь я рассказывала про млечный сок? Вещество, которое вытекает, когда я сдираю кору каучукового дерева? Его я и добавила к своей обычной смеси. Так что да, краска отталкивает вла...

Кай прочищает горло, и я, подняв взгляд, попадаю в ловушку блеска его глаз.

Бессвязные мысли обрываются.

Он еще никогда не смотрел на меня с таким почтением...

– Кай?

– Мне... еще никто никогда не делал так приятно, – шепчет он, глядя на камень.

Кай однажды рассказал об острове, дорогом его сердцу. Мол, тот сделан из больших переливающихся скал, а вокруг берега рассыпались миллионы мелких. А из гейзера в зеркало воды вокруг этого места истекает лента кроваво-красной жидкости.

– Надеюсь, я правильно все уловила.

– Идеально. – Кай проводит кончиком пальца по мерцающему берегу. – Благодарю тебя, Орлейт. Искренне. На такое сокровище наверняка ушло много дней...

Закатываю штанины и опускаю ноги в прохладный океан, закрываю глаза и подставляю лицо солнцу.

– Ты – мой лучший друг. – Беспечный тон помогает скрыть то, как в горле стоит ком размером с желудь. – Для тебя я сделаю что угодно.

– Я мигом! – восклицает Кай, и я открываю глаза как раз когда он с плеском исчезает, оставляя меня наедине с теплым, сонным днем, который отражается от океана осколками света.

Улыбаюсь, вспоминая, сколько раз слышала эти слова, а потом Кай нырял вглубь, чтобы что-нибудь припрятать. Будучи океанским дрейком, он не способен побороть желание тут же спрятать сокровища, даже если придется оторваться от столь интересного общества.

В океане он как гребенка – непревзойденный собиратель вещиц, которые, вероятно, больше никогда не увидят свет. Воображаю большую подводную пещеру, до краев наполненную царской добычей, а мысль о том, как сам Кай протирает эти свои безделушки длинным, развевающимся хвостом, заставляет меня заулыбаться еще шире.

Голова Кая вновь выныривает на поверхность, и он поднимает руку, тоже улыбаясь.

– И у меня для тебя кое-что есть.

Хмюрю брови.

Между его большим и указательным пальцами зажата изящная ракушка, закрученная нежным розово-опаловым вихрем. В «ушко» продето серебряное колечко с замочком не больше ногтя моего мизинца.

– Какая красивая, – шепчу я. – Что это за ракушка?

Сюда вымывает только серые и шероховатые, размером с мою ладонь, и внутри них играет смесь фиолетовых, голубых и розовых оттенков. Их я измельчаю и добавляю в краску, чтобы получить металлический блеск, мерцающий, словно призрачная радуга.

– Детеныш, – отвечает Кай с восторгом, проскальзывая вперед и обдавая меня своим густым соленым ароматом. Прикрепив ракушку к серебряной цепочке у меня на шее, Кай устраивает ее рядом с большим черным драгоценным камнем, который я не снимаю. – Малыши обычно разбиваются о камни, так что находка редкая, Орлейт. Редчайшая.

Верчу подарок в пальцах и наслаждаюсь тем, как он мелодично позвякивает, задевая мой камень. Два сокровища совершенно не похожи, но так идеально друг другу подходят.

– Это морские шептуны. Если в него что-то произнести, океан донесет послание. Поэтому, если я тебе когда-нибудь понадоблюсь...

– Мне так нравится! – выпаливаю я, поймав взгляд Кая.

На его лице расплывается улыбка, словно устремился к солнцу гребень сверкающей волны – вон он есть... а вот уже исчез.

Раздувая ноздри, Кай опускает взгляд на мою правую ногу.

– У тебя кровь, – бормочет он. – Что натворила на этот раз?

Никогда не пойму, почему все мужчины в моей жизни так зациклены на моей рассеченной коже.

– Поранилась во время тренировки. – Пожимаю плечами, продолжая играть с раковиной. – Мелочи. Я должна была показаться Танис, но занялась другим.

Теперь улыбка Кая – сплошные зубы, острые клыки, обнаженные во всей своей дикой красе.

– Тебе повезло, – мурлычет он с озорной ноткой в голосе, – я в некоторой степени одарен по части заживления ран.

Вскидываю бровь.

Кай закатывает мне штанину еще выше, обнажая грубый порез на бедре, который едва не задел родимое пятно в форме сердца.

Что ж.

– Признаю, выглядит хуже, чем я дум...

Кай наклоняется и проводит по ране языком, влажно и нежно.

– Что ты делаешь?

Вся кровь тела будто приливает к щекам.

– Ты меня лижешь. Ты мне порез лижешь.

Он издает насмешливый приглушенный звук, продолжая раскрашивать мою рану длинными, точными мазками. Когда Кай наконец отстраняется, мои щеки пылают огнем, но жар быстро рассеивается, когда стороны пореза срастаются, оставляя лишь светло-розовую полоску.

Пялюсь на нее, и на языке куча слов – только не хватает

дыхания.

Удивление отступает, когда я поднимаю взгляд и вижу, как на меня смотрит Кай. Он хмурится и причмокивает языком.

– Что?

Кай качает головой и сглатывает.

– Ты странная на вкус.

– Как-то это невежливо! Готова поспорить, ты и сам-то на вкус не очень, – с укором произношу я, плеская в него пригоршней воды. – И кстати, раз уж я теперь знаю, что ты умеешь зализывать раны, буду приходить каждый раз, как порежусь бумагой, и совать тебе палец в рот.

Поверить не могу, что он не говорил мне этого раньше.

Его остро очерченные скулы смягчает ухмылка.

– Суй мне палец в рот сколько угодно, однако затевать со мной водный бой? Ужасно неразумно, Орлейт.

Кай медленно и зловеще вздымается из океана, обнажая мощный изгиб загорелого мускулистого тела. У меня отвисает челюсть, я запрокидываю голову и распахиваю глаза, когда смуглая кожа уступает место округлой стальной чешуе могучего хвоста.

Проклятье.

Лихорадочно отползаю, словно краб в поисках убежища.

– Нет, Кай... нет. Нет! Не смей, слышишь ты, огромный скользкий негод...

Вскинув руки, он прижимает меня к своей холодной мок-

рой груди, а потом окунает нас обоих в бурлящий океан.
Вот же ублюдок.

Глава 7

Орлейт

Намеренно топочу по коридору, отжимая волосы и прокручивая в голове всевозможные изощренные способы обколоть яблоко сенной так, чтобы почти пятиметровый океанский дрейк с неделю гадил непереваженными водорослями.

Заворачивая за угол, я почти врезаюсь в Рордина, который стоит на моем пути, как валун, и с визгом отскакиваю назад.

Прежде чем я успеваю потерять равновесие, он быстро обвивает мою талию рукой. Выглядываю из-под спутанной мокрой копны – и меня мгновенно обжигает взгляд серебристых глаз.

Все мысли обращаются в дым.

Как раз когда я думала, что этот день уже не сможет меня нахлобучить еще сильнее.

Делаю вдох и почти давлюсь густым запахом кожи и морозного утра. Он просачивается через легкие и наполняет кровоток, заставляя пульс биться в бешеном, нездоровом ритме.

Рордин пугающе, сверхъестественно красив. Один только его вид пагубно влияет на мою способность действовать нормально, и я это ненавижу.

Ненавижу очень, очень сильно.

Рордин склоняет голову набок, вскидывает темную бровь, но продолжает вжимать ладонь меж моих лопаток, наказывая молчанием.

Что-то глубоко внутри меня вопит: «Беги!»

Не то чтобы я когда-то его слушала.

С моих губ срывается выдох, грудь Рордина поднимается во вдохе, когда я отступаю на шаг – и на месте ладони остается холодный отпечаток.

Несмотря на то как Рордин возвышается надо мной, я выдерживаю его суровый взгляд, отказываюсь опустить вскинутый подбородок или дать хоть малейший намек на покорность. Пусть в Рордине за метр восемьдесят скульптурной, мужественной осанки, но пошли мои бушующие нервы куда подальше.

– Орлейт.

Голос – бархатное мурлыканье, от которого мое сердце колотится еще неистовей.

Приседаю в легком реверансе и скольжу в сторону, намереваясь обогнуть Рордина, как вода камень, но он двигается одновременно со мной.

Щурюсь.

Вход в Каменный стебель – прямо за его спиной, а я тут разливаю океан по всему полу.

– Прошу прощения, – бормочу я с еще одним шагом в сторону.

И вновь Рордин зеркально его повторяет, заставляя меня подпереть плечом всегда запертую каменную дверь, которую Рордин иногда открывает, прежде чем ночью покинуть земли замка.

По сравнению с Крепостью и Логовом именно эта дверь раздражает меня сильнее всего.

Интригует меня сильнее всего.

Я сломала множество шпилек, пытаюсь вскрыть эту дрянь. За ней, вероятно, помпезный чулан для метел, но незнание... это особый вид пытки, которым я совсем не наслаждаюсь.

Вздыхаю, приваливаясь к двери, вскидываю брови и тычу в каменную поверхность большим пальцем.

– Ты наконец-то возьмешь меня на экскурсию?

Засунув руки глубоко в карманы, Рордин пронзает меня ледяным взглядом.

– Твой порез.

– Что с ним?

В глазах Рордина зарождается вызов.

– Он исцелен.

Чувствую, как от лица отливает кровь.

Он что... чувствует запах? Или следил?

Вот дерьмо...

– У Кая очень талантливый язык, – выпаливаю я, испытывая волну словесного недержания, которое, уверена, приведет меня к немедленному выселению.

– М-да? – Рордин делает шаг вперед, голос проникает мне под кожу, обхватывает сердце.

Сжимает его.

Отступаю подальше, изо всех сил стараясь найти хоть каплю воздуха для изнемогающих легких.

– Тебе разве... э-э... не пора в какую-то из деревень? – спрашиваю я более хрипло, чем обычно.

На этот раз Рордин вскидывает обе брови.

– Барт. Да. А что? Хочешь присоединиться?

Молча хлопаю глазами.

Он что, недостаточно меня задергал за день? Я уже и так согласилась на этот его бал.

– Нет, спасибо.

Клянусь, я слышу, как слова тяжело и гулко падают между нами на пол.

Уголок рта Рордина едва-едва заметно дергается, почти смягчая один из его многочисленных жестких углов.

Почти.

– Ты знаешь, – начинает Рордин, закатывая рукава, обнажая мощные смуглые предплечья и хвостик серебристых письмен, которых мне хочется увидеть больше. – Там есть пекарня, где готовят лучшие медовые булочки на всех территориях.

Хмурюсь.

– А ты не можешь просто захватить для меня несколько? – почти предлагаю сунуть их в Шкаф в обмен на мое подно-

шение, но мы о нем не говорим.

Никогда.

Рордин пожимает плечами – плавным движением, которое удивительным образом достаточно смертоносно, чтобы сокрушить чей-нибудь дух.

Мой дух, если использовать его в правильной обстановке.
– Их... правила не разрешают вынос булочек.

Я не знаток всего, что лежит за границами земель замка, но тут уверена: это полная чушь.

– Итак? – давит Рордин полным, безраздельным вниманием, заставляя чувствовать себя так, будто я стою перед судом в ожидании наказания за ужасный проступок.

Украдкой отступаю еще на шаг и там наконец нахожу точку воздуха, прерывистое дыхание становится более ритмичным, но Рордин продолжает уничтожать меня взглядом коварных глаз, от которого собственная кожа кажется мне прозрачной. Он будто видит меня насквозь, наблюдает за вращением шестеренок.

Видит ли он, как завязаны они на своем кружении? Как легчайший тычок способен разорвать меня на части, разметать ошметки по полу?

– Я останусь здесь, – шепчу я, и глаза Рордина заволакивает тень, на его щеках напрягаются желваки.

– Живи, Орлейт. Все, о чем я прошу, это чтобы ты *жила*.

– Я живу. – Таков мой бесцветный ответ, и он встречен вздохом, который вырывается у Рордина так, будто тот его

долго сдерживал.

Наверное, Рордин уже начинает уставать от этой игры. Что ж, не он один.

Он дергает подбородком в мою сторону.

– Разве ты не должна быть сейчас обмотана измерительной лентой?

Проклятье.

Опускаю взгляд на ямочку на его подбородке и снова принимаюсь отжимать волосы, будто в этом нет совершенно ничего необычного.

– О, упс. Вылетело из головы, наверное.

Рордин снова манит меня пальцем – отрывисто, словно подергивает наживку.

И я, прямо как тупая рыбина, ее хватаю – и вижу, что он по-прежнему смотрит так, будто моя кожа прозрачна.

Отвечаю тем же, пусть воды Рордина настолько мутны, что вряд ли ил однажды осядет настолько, чтобы я поняла их истинную глубину.

– Вылетело из головы, Орлейт? Я и не подозревал, что там ветрено.

Пожимаю плечами и тихонько ворчу, с тоской глядя на вход в Каменный стебель...

– Тебе повезло, – рокошет Рордин, указывая в противоположную моему убежищу сторону, – я как раз туда направляюсь. Могу тебя сопроводить.

Ну разумеется.

На долю мгновения всерьез подумываю броситься в свою башню. Рордин туда никогда не поднимается, только если я стою за дверью, что нас разделяет, и капля моей крови смешивается с водой в хрустальном кубке.

А потом отметаю эту мысль, когда Рордин склоняет голову набок, будто все знает.

От этого хищного жеста по мне пробегает дрожь – пытаюсь ее скрыть, вздергивая подбородок, перекидывая влажные волосы через плечо и удаляясь в указанном направлении.

Я знаю, когда можно лезть в бой, а этот...

Этот я уже проиграла.

Ненавижу это место, его забитые рулонами ткани углы, толпы манекенов на разных стадиях раздевания. Я не ценитель изысканных вещиц и экзотических тканей – мне неинтересно разгуливать, распушив перья, как некоторые мужчины и женщины, которые каждый месяц собираются на Трибунал.

Созерцаю свой приколотый к шнуру между двумя стенами повседневный наряд. С него вовсю капает вода.

Вот все, что мне нужно. Подвижность и никаких рюшей.

Одежда, которая помогает сливаться с окружением.

Вздыхаю, вытирая волосы полотенцем. Я сижу, взгромоздившись задницей на стул, втиснутая в угол комнаты, словно неодушевленный предмет. Рядом со мной стоит манекен с лицом, похожим на куклу, которая у меня была... до того как я выбросила ее за балюстраду, слишком уж пялились ее широко распахнутые глаза.

Невидящие.

Наблюдать, как она разбилась о камень у основания моей башни, оказалось довольно приятно.

Огромный халат соскальзывает с обнаженного плеча, и я натягиваю его обратно, не отвлекаясь от щели, которую оставляет приоткрытая дверь.

В соседней комнате на платформе стоит Рордин, а вокруг него порхает хорошенькая помощница Говарда, шурша шелковистой черной тканью, измеряя лентой руки, грудь, внутреннюю сторону бедра...

Мельком вижу серебристые татуировки, которые обвивают бок Рордина – тончайшие письмена, что тянутся на коже, сужаясь вокруг мышц, словно штриховка на картине. Слова, которые я не узнаю, не понимаю, даже не представляю, как произнести.

Вытягиваю шею, стремясь рассмотреть их получше. Щеки пылают все сильнее. Взгляд скользит вверх – и вдруг натывается на глаз цвета ртути, что пригвоздил меня к месту сквозь щель, словно пушенная точно в цель стрела.

Резко втянув воздух, я отвожу взгляд.

– Мы закончили? – спрашивает Рордин таким жестким тоном, что я вздрагиваю.

– Да, владыка, – выпаливает Дольси нежным, будто летний ветерок, голоском.

Завидую.

– И вы положили глаз на черный кашемир с высокогорных пастбищ?

– Да, – отвечает Рордин. – Но бал нейтрален, так что Орлейт не привязана к цветам Округа. Она вольна выбрать что-нибудь другое.

Хмурясь, я поднимаю взгляд на дверь, которая со скрипом приоткрывается сильнее.

В проеме возникает овальное лицо Дольси, на фоне пышных кудрей цвета почвы выделяются голубые глаза.

– Твоя очередь, – произносит она с милой улыбкой, явно вымученной.

– Прелестно.

Следую за Дольси в комнату, полную солнечного света, что льется в большие квадратные окна, и в нос мгновенно бьет *его* крепкий, земляной запах.

Сжимая губы в тонкую линию, борюсь за свое самообладание.

Тереблю пояс, завязанный вокруг талии узлом, поднимаюсь на платформу для примерки, стараясь не обращать внимания на Рордина, который с опущенной головой застегива-

ет пуговицы.

Говард врывается, словно осенние листья на стремительном ветру, его огненные волосы торчат во все стороны. У него кремовый цвет лица типичного выходца с Востока, хотя Говард щеголяет в черных цветах жителя Запада, с дополнениями вроде оборок на рукавах и темной кружевной аппликации на жилете. На середине переносицы красуются маленькие очки под стать глазкам-бусинкам, которые проскальзывают взглядом по моей фигуре.

Говард взмахивает рукой в мою сторону и сразу же переводит внимание на сложенные в углу рулоны ткани.

– Халат. Снять.

Рордин прочищает горло, а потом, отвернувшись, уставляется в окно и продолжает заниматься пуговицами. И явно не собирается уходить.

Ну конечно.

Прерывисто вздыхаю и развязываю пояс, прикусив нижнюю губу. Шелковистая ткань скользит по плечам, обнажая корсет, который с трудом меня удерживает.

Понятия не имею, как должна двигаться в этой штуковине – или нормально дышать, – но этот пыточный предмет одежды, который слишком сильно открывает мою тесную кожу, очевидно весьма в моде.

Все время, которое Дольси потратила на запихивание меня в эту хреновину, она хмурилась. Наверное, потому, что процесс отнял у нас обеих полчаса жизни. И вот теперь я

стою на платформе и чувствую себя деревом без листьев, которые могли бы скрыть силуэт.

Говард кладет руки на раздутый животик, разглядывая меня так же, как я оцениваю камень, прежде чем нанести краску.

– Ты постройнела в талии, моя дорогая. Переломишься пополам, если не будешь осторожна.

Открываю рот...

– Ц-ц-ц! Это был не вопрос.

Говард снова машет рукой и достает рулон богатой зеленой ткани. Ее прикладывают ко мне, затем быстро меняют на другую, цвета моей глицинии. Взгляд Говарда перепрыгивает с моих глаз на влажные волосы, на обнаженную кожу и наконец останавливается на кулонах на шее.

Говард постукивает по камню кончиком карандаша, который достал из-за уха.

– Это все останется, так?

В следующий же миг прикрываю ладонью круглый чернильный камень и раковину.

– Да, – отвечает Рордин, разворачиваясь, и я наталкиваюсь на леденящую силу его всепроницающего взгляда.

Я не снимаю эту цепочку. Никогда. Рордин подарил мне этот камень, когда я только сюда попала, с тех пор я его и ношу.

У меня есть несколько самых ранних воспоминаний, из тех времен, когда я была такой маленькой, что подъем на

Каменный стебель казался мне восхождением на гору, даже когда Бейз или Кухарка держали меня за руку и помогали с каждым шагом, и я чувствовала на шее приятную тяжесть камня.

Пусть тогда он и казался увесистым, он научил меня ходить с лучшей осанкой. Держать голову высоко и двигаться.

Однажды я унесу его с собой и в землю.

Рордин прислоняется спиной к стене у окна, скрестив ноги в лодыжках, и выглядит он при этом вполне расслабленно и комфортно. Я чуть не закатываю глаза, когда Дольси склоняется поднять с пола несколько булавок и мельком оглядывается, проверяя, смотрит ли Рордин.

– Ну, пусть. Поработаем вокруг. Итак, мне нравится зеленый. – Говард подносит длинный отрез ткани к моим глазам. – Тон подчеркивает оттенок волос. Или же розовое золото, более мягкий подход, – размышляет он, сменяя отрез. – И более невинный.

Как он может так говорить, когда у меня грудь буквально выпрыгивает из этого пыточного сооружения? Скучаю по своей обвязке.

– Еще есть красный, который будет выглядеть потрясающе, однако, вероятно, привлечет... – Говард склоняет голову на один бок, потом на другой, – зрелое внимание.

Он продолжает подбрасывать информацию в сторону Рордина, поднося к моему лицу разные образцы. Пока он говорит, Дольси укутывает мое тело жесткой кремовой тканью.

Кусок за куском прикалывает ее ко мне в виде наряда, который оставляет очень мало пространства воображению.

Платье начинает обретать форму, и с каждой вставкой ткани мое нутро скручивается чуточку сильнее, я каждые несколько мгновений опускаю взгляд, чтоб увидеть, сколько же кожи Дольси не накрывает.

Выронив подушечку с булавками, она снова поворачивает свои чувственные изгибы в сторону Рордина, и я тут же хватаюсь за возможность немного подправить ткань так, чтобы наряд выглядел не настолько уж откровенно.

Дольси быстро возвращает ткань на место, как только встает.

– Ты не можешь сделать вырез чуть повыше? – шепчу я так тихо, чтобы услышала только она.

– Ох, милая, нет, – понижает голос Дольси, украдкой бросая взгляд на мои сцепленные руки. – В женщине, которая одевается как маленький мальчик и постоянно ходит с грязью под ногтями, нет ничего очаровательного. Так обещанной леди не стать.

К щекам приливает жар.

– Прости, что?

Дольси пожимает плечами, заправляет прядь за ухо и ода- ривает меня жеманной улыбкой.

– Все нынче выставляют грудь напоказ на модных сбори- щах. А если нет, у тебя не будет надежды выделиться среди толпы и ты застрянешь в этом замке, пока не превратишься

в старую каргу. — Она вонзает в плотную ткань очередную булавку, и я скриплю зубами. — Я делаю тебе одолжение. Поверь.

Только собираюсь сказать ей, чтоб засунула свое одолжение себе в жопу вместе с подушечкой для булавок, как вдруг воздух разрубает голос Рордина:

— Меньше выреза.

Бормотание Говарда обрывается на полуслове, а мой взгляд устремляется к Рордину, но тот смотрит не на меня. А на Дольси, уделяя ее румяным щечкам и бесстыжим томным глазкам полное, безраздельное внимание.

— Владыка? — произносит она легко и невинно, все еще прижимая ладони к моей груди, что вздымается с каждым резким вдохом.

Рордин отталкивается от стены и делает шаг вперед, склонив голову набок.

— Мне повторить отчетливей?

Дольси смотрит на него снизу вверх сквозь ресницы.

— Но я думала...

— Думала что? — Последнее слово вырывается, будто хлыст, и Дольси бледнеет, разинув ротик, но так и не выговорив ни слова.

— Что вы будете д-довольны. Что вам нужно сделать ее привлекательной для потенциальных женихов.

Рордин сверлит ее взглядом, не мигая, напряженный момент тянется так долго, что Дольси увядает на глазах. На вис-

ках Говарда собираются бусинки пота, взгляд мечется между Рордином и помощницей.

– Все хо...

Рордин заставляет меня осечься.

– Орлейт прямо высказала пожелание, а ты нагло пропустила его мимо ушей. Если не желаешь остаться без работы и жилья в замке, предлагаю тебе поменять фасон. Живо.

Дольси приседает в реверансе так быстро, будто у нее подкосились колени.

– Да, владыка. П-простите, владыка.

Она возвращается к работе, поправляет ткань на моем бюсте дрожащими руками, и я захожусь шипением, когда острый укол заставляет меня отшатнуться, держась за левую грудь.

– Ай!

– Вон!

Уничтожающий тон Рордина вызывает буйство движений: Говард поспешно толкает на выход бледную Дольси – с прижатой к губам ладонью, позабывшую про подушечку для булавок, что остается валяться на полу.

Рордин выдерживает мой взгляд, пока дверь не щелкает, закрывшись за обоими портными, и я остро ощущаю, как его грудь поднимается и опускается в том же ритме, что и моя. Он тихо цокает языком, прежде чем стремительным шагом направиться к столу с кувшином и хрустальными бокалами. Рордин наполняет один водой наполовину, затем смотрит на

него, молчаливый и неподвижный, пока мое сердце бьется где-то в горле.

Я понимаю, во что может перерасти этот момент. Чувствую, как тяжесть этой возможности давит мне на грудь, мешает дышать.

И тот внутренний голос вновь кричит, что надо бежать.

Рордин прочищает горло и, развернувшись, идет ко мне.

Наверное, я дура... но я любопытная дура. И этого еще никогда не происходило лично. Нас всегда разделяла дверь, эдакая маска, скрывающая суть деяния.

Рордин останавливается, лишь когда мы рядом настолько, что дышим одним воздухом, – лицом к лицу, глаза в глаза, на грани чего-то запредельного.

Между нами впервые нет никакой двери. Ничего, кроме разреженного воздуха, полного смеси наших запахов.

– Позволишь?

Да, прошу.

Киваю, отказываясь моргать, когда Рордин оттягивает вниз край ткани, словно уголок книжной страницы.

Каждых вдох приближает мою грудь к его прохладе, каждый выдох – вновь ее отдаляет, как перетягивание каната, которым я ежедневно занимаюсь внутри себя.

Частичка меня хочет быть ближе, остальное знает, что мне нужно держаться, на хрен, подальше, что Рордин – это океан, который хлынет в легкие и утопит, если я в него упаду.

Рордин опускает взгляд, ледяной и пристальный, он оста-

наваливается на округлой груди и мельчайшей точечке боли, достаточно глубокой, чтобы выступила бусинка крови.

Я должна знать.

Голова склоняется, соски твердеют, плоть так сильно предвкушает его прикосновение, что становится неудобно.

Кожу дразнит прерывистый выдох.

Моргаю – и атмосфера переменяется.

Рордин вдруг стоит ко мне спиной, и я слышу, как покручивает бокал, чтобы перемешать воду...

Ни крови. Ни смазанного следа.

Их нет.

И я ничего не почувствовала. Даже легчайшего касания. Как будто Рордин изо всех сил постарался, чтобы его не осталось.

Засевший у меня внутри тяжелый камень очень похож на разочарование.

Рордин идет к двери, не позволяя мне даже бросить взгляд на его лицо. Мерцает ли в его глазах недовольствие? Неудовлетворенность?

Отвращение?

Настолько ли все плохо, что мне нельзя видеть?

– Сегодня вечером подношение не понадобится.

Сердце ухает в пятки, в горле набухает ком, не давая нормально вздохнуть.

Эти слова...

Кислота, что льется прямо мне на кости.

Он крадет тот садистский трепет, что я испытываю во время ежевечернего ритуала, и заменяет его вот этим – столь же отстраненным, словно во время принятия подношения нас таки разделяла дверь.

Рордин останавливается, держа ладонь на дверной ручке.
– Сиреневый.

Трясу головой, устремляя остекленевший взгляд на его затылок.

– Что?

– Под цвет твоих глаз, – бормочет Рордин, прежде чем потянуть дверь на себя – и исчезнуть из виду.

Веки, трепеща, смыкаются, отгораживая меня от мира.

Я истекала кровью за завтраком, но Рордин почему-то не потребовал от меня окунуть ногу в ведро воды.

Это что, наказание какое-то? Способ заставить меня нарушить привычный распорядок дня? Потому как похоже именно на него.

Рордин нанес удар и свалил.

Раздается тихий стук, и я вижу, как Говард просунул голову в дверной проем и осматривает комнату блестящими глазками-бусинками.

– Он ушел?

– Ушел, – прочищаю горло, наблюдая, как Говард крадется внутрь так, будто пол усеян горячими углями. – И ему понравился красный.

Говард спускает очки пониже, изучает меня поверх опра-

вы.

– О?

Киваю.

– И я хочу платье с низким вырезом сзади. И чтобы бедра облегалo.

Портной хмурит брови, его глазки распахиваются шире, а щеки пунцовеют.

– Но... но, Орлейт, моя дорогая... тогда ты не сможешь надеть корсет. Для такого случая это очень, очень вольно!

– В этом и смысл, – цежу я, вытаскивая остальные булавки из той чудовищности, которую навертела на меня Дольси.

Если уж я и должна присутствовать на балу, то я не позволю запихнуть меня в то, в чем невозможно дышать.

– До тех пор, пока ворот остается у горла, в остальном даю вам творческую волю, Говард. Вы постоянно говорите, что хотели бы одеть меня как куклу. Что ж... попытайтесь.

Портной долго на меня смотрит, прежде чем разразиться бурной деятельностью, болтовней и выразительными жестами, которые вызывают у меня улыбку.

Рордин хочет меня наказать? Хорошо.

В эту игру можно играть вдвоем.

Глава 8

Орлейт

Солнце садится, окрашивая облака мягким фиолетовым оттенком.

Стоя среди этого шедевра цвета и света, что постоянно сменяется, я наблюдаю, как Рордин шагает к лабиринту деревьев, окружающих земли замка...

К моей Черте безопасности.

Он добирается к дальнему углу, где лес встречается с отвесной скалой, и начинает обход – прогулку вдоль моей Черты, пока не исчезает в лесу. Не уходит в места, в которые я, надеюсь, не попаду никогда.

За этими деревьями случается плохое.

*Широко распахнутые, невидящие глаза.
Запах пылающей смерти.
Твари, что ворвались в...*

Прочищаю горло. Ненавижу Рордина за то, какую дыру он проделал в моем распорядке дня. Теперь я сижу вся в смятении, размышляю над временем, а ему, не сомневаюсь, насрать.

Он получил, что желал.

Услышав резкий писк, я бросаю взгляд через балконные

двери на сумку, которую повесила на угол резной кровати. Так как весь день у меня отнял Говард, я так и не добралась к Шэю... а значит, в сумке до сих пор сидит мышь.

Бедняжка.

Снова смотрю вниз с балюстрады, наблюдаю, как Рордин идет вдоль опушки, и хмурюсь.

Несмотря на бурлящее внутри любопытство, во время вечернего обхода Рордина я всегда остаюсь здесь, наверху, — считаю, что закрытые двери между нами распространяются и на эту часть дня.

Но сегодня необычный день.

Рордин изгадил мне распорядок, угрожал, требовал, чтобы я посетила *бал*, и лишил меня трепета, который я испытываю каждый вечер. Если он не желает уважать мои границы, то зачем же я уважаю его?

Делаю глубокий вдох, окидываю взглядом медные лучи, что пронизывают пушистый лес, и решаю, что сейчас самое время навестить моего друга Шэя. И совсем не стоит принимать во внимание то, что я пользуюсь этим предлогом, чтобы проследить за обходом Рордина вблизи.

Натягиваю кофту, заново собираю сумку и, вылетев за дверь, принимаюсь перепрыгивать через две ступеньки Каменного стебля зараз, пока не добираюсь до самого низа, где выхожу на пятый этаж замка.

Нырнув в Перепутье, я выбираю короткую дорогу, которая выводит меня наружу прямо позади Рордина. Густой

аромат цветущих ночных лилий заставляет глубоко вздохнуть; от их пряности у меня всегда щекочет в горле.

Несусь по небольшой полоске травы, сливаясь с полоской тени, что обрамляет Рассады – теплицу. Пользуясь ухоженными садовыми кустами как щитом, я выглядываю из-за угла холодной стеклянной постройки, которую так люблю.

Наблюдаю.

Его плечи напряжены и едва двигаются с каждым плавным шагом, которым он ступает по земле.

В его действиях нет ничего необычного. Он просто идет по той же тропе, что и всегда, проводя рукой по случайному дереву тут и там.

Исчезая из моего поля зрения, он выманивает меня из безопасного идеального укрытия. Перемещаюсь от одной полосы тени к другой, следуя за ним, бесшумная, как лист, гонимый холодным вечерним ветром.

С неба уже подмигивают звезды, но полумесяц едва дает свет, когда Рордин достигает уходящей в лес тропинки – той, что обрамлена густыми, извилистыми лианами, окаменевшими за долгое существование.

Выглядит словно тоннель, усыпанный маленькими белыми цветами, которые источают сладкий и свежий аромат.

Рордин останавливается у входа.

Что-то в его манере держаться заставляет меня притаиться за пнем древнего, покрытого мхом дерева, низко пригнуться, припасть к земле. Прохладная трава ласкает мне

щеку, когда я подаюсь вперед ровно настолько, чтобы увидеть профиль Рордина.

Может, виноват быстро угасающий свет, но я могу поклясться, что вижу это: прямо перед тем, как исчезнуть в лесу, Рордин что-то шепчет цветам.

Со вздохом перекатываюсь на спину и, барабанив пальцами по земле, смотрю на звезды, пронизывающие темнеющий холст неба.

Волоски на правой руке встают дыбом...

Поворачиваю голову набок, вглядываюсь в чернильную глубину леса.

В это время суток Шэя труднее увидеть, да и он явно не стремится облегчить мне задачу, прыгая вокруг и помахивая рукой. Но я его чувствую – как воздух вокруг словно раздвигается, чтобы пропустить моего друга.

Встаю и крадусь к кусту ночных лилий. Белая пыльца на кончиках чернильных лепестков с каждым мгновением сияет все ярче, в меркнувшем свете оживает их блеск.

Благодаря этим цветам некоторые мои картины светятся в темноте – например, звезды и луна на двери моей спальни.

В каких-то сантиметрах от черной линии камней, которой я обозначила свою Черту безопасности, я опускаюсь на колени и роюсь в сумке в поисках банки. Снимаю крышку с прорезями, сую руку внутрь и, схватив жилистый хвост мышонка, осторожно вытаскиваю его наружу.

Он дергается в воздухе, пищит все громче, и я краем гла-

за улавливаю движение – между вытянутыми очагами тени порхает долговязое, похожее на призрак существо, облаченное в дымчатый покров, который будто поглощает свет.

Моя улыбка становится шире.

Чувствую на себе его взгляд, похожий на прикосновение смоченной маслом кисти, легонько скользящей по коже.

Он достигает особенно густой тени, чьи границы размыты сиянием ночных лилий, которые все сильнее источают пряный аромат и позволяют моему взгляду зацепиться хотя бы за их мягкое мерцание.

Там он и парит – в каких-то трех шагах. Поднимаю мышонка выше, на уровень глаз.

Подергивая усами, грызун выгибает спинку и тянется к моему носу, будто думает, что я его спасу.

Склоняю голову набок, наблюдаю за его потугами. Как он болтается и тянется, превращаясь в пушистый маятник, что отсчитывает последние мгновения его жизни.

Обычно я просто перебрасываю их за Черту, но...

Я не вижу с твоей стороны никаких попыток преодолеть страхи.

Вздыхаю, не в силах унять тяжелое биение сердца.

Чтоб тебя, Рордин.

Прежде чем я успеваю все продумать, я стискиваю зубы и сую руку за линию камней. Затаив дыхание, оцепеневшая, делаю все, что в моих силах, лишь бы не сжаться в комок и не завизжать, как пила.

Наверное, я должна бояться спутанной тени, которая, низко пригнувшись, медленно движется вперед и издает горлом щелкающий звук.

Но я не боюсь.

Мой дикий страх направлен на другое.

Меня хватает на четыре секунды, потом я бросаю мышь и отдергиваю руку.

Шэй набрасывается порывом дымчатых лент и костлявых пальцев. Звенит последний, полный мучения писк, затем чернота начинает отступать и раздаются влажные, посадывающие звуки.

Трясу головой, сжимаю и разжимаю пальцы, осматриваю кожу, почти ожидая, что она пойдет пузырями и потрескается. Часть меня даже этого хочет – хочет, чтобы мир за Чертой оказался таким ядовитым, что единственным выходом было бы оставаться здесь навсегда.

В безопасности.

Думаю, с такими надеждами я вряд ли могу посчитать свой крошечный шагок победой.

Шэй отстраняется – от мышонка осталась лишь пушистая шкурка, плотно обтянувшая угловатый скелетик. Как-то раз я придвинула останки палкой обратно за линию, чтоб осмотреть, и они оказались твердыми, как камень.

Мы с Шэем наблюдаем друг за другом под зловещий крик, с которым пробуждается лунная сова, и я чувствую гул признательности своего друга.

Наверняка он и сам способен добывать пищу, но я думаю, что мои маленькие жирненькие подарочки ему нравятся. Или же ему нравится ужинать в компании.

Я его понимаю.

Бесцеремонным рывком Шэй уносится прочь в темнеющий лес, оставив пробравший меня холодок.

Вздрагиваю, вглядываясь в тропу, что поглотила Рордина...

Он может провести там всю ночь.

Далеко не первый раз гадаю, куда же тропа ведет. Семя любопытства, которое я отказываюсь посадить, полить, напитать светом.

Мой мир – тут, по эту сторону линии камней. То, что снаружи, принадлежит костям моего уничтоженного прошлого и тварям, которые преследуют меня в кошмарах.

Я поднимаюсь на ноги и отряхиваю штаны, а потом возвращаюсь в замок, уверенная, что к моему силуэту прикованы десятки глаз.

Эта лестница уходит глубоко под землю, путь освещен факелами в ржавых скобах. Языки пламени похожи на танцующие цветы, и чем дальше я спускаюсь, тем сильнее они ши-

пят, тем гуще становится пар, который завивает распушенную вуаль моих волос.

У нижней ступеньки лестничный колодец превращается в огромную пещеру...

Я могла бы помыться у себя в комнате, но предпочитаю здесь, в Лужах, – общих купальнях.

Факелы отбрасывают на мокрый камень золотистые отблески, освещая клыки из минералов, что тянутся с потолка к дюжине горячих источников, некоторые из которых разделены лишь тонкой жилкой породы.

Каждый заполнен водой, и в тусклом свете она кажется черными чернилами, ярко выделяясь на фоне молочной пелены, что окутывает их призрачными клубами.

Здесь достаточно пространства, чтобы вместить больше десяти человек, но в это время источники всегда пустуют – роскошь, которая позволяет мне раздеться.

Первыми я снимаю штаны и исподнее, потом грязную, заляпанную краской блузу и, наконец, берусь за стягивающую грудь повязку. Каждый виток позволяет вдохнуть глубже, но когда вся ткань остается на полу, мне начинает казаться, что кожа все равно обтягивает меня слишком плотно.

И так всегда.

Разминая руки, я на цыпочках подхожу к любимому источнику в дальнем конце купален, у самой стены. Аккуратно спускаюсь по щербатым ступенькам в воду, которая обжигает мне сразу покрывшуюся мурашками кожу. Через несколь-

ко мгновений жжение сменяется благословенным онемением, и я окунаюсь все ниже... и ниже... пока пол не уступает бесконечной глубине.

Даже не знаю, как глубоок этот источник, есть ли у него вообще дно. Но чем ниже нырнуть, тем горячей становится вода, будто ее порождает само чрево земли.

Добираюсь к дальнему краю, волосы волочатся следом.

У этого источника не самые удобные места для сидения, но он...

Он – моя тайная страсть.

У стены я просовываю пальцы в трещины и хватаюсь, вглядываясь туда, где эрозия годами проделывала в скале дыру. Отверстие, которое пропускает струйки воды, и что бы там ни было на другой стороне, мне кажется, будто это другой источник, не пойманный в залу с Лужами, обменивается со здешним дыханием.

Как-то раз я занырнула поглубже, исследовала брешь – ощупала зазубренные края, будто кто-то ее вырубил. Попыталась рассмотреть, что же там, за ней, но внизу темно. Мрачно.

Держась за камень, утыкаюсь лбом в стену и закрываю глаза.

Воздух заполняет густой, кожистый мускус, и он заставляет меня стонать. Выдыхаю и вновь наполняю им легкие, задерживаю в них этот божественный аромат, словно одного вдоха мне хватит на целую вечность.

Словно он утолит голод моего сердца.

Причина, по которой я так люблю этот источник – причина, по которой я купаюсь именно здесь, а не пользуюсь удобной ванной в башне, заключается в том, что...

Иногда вода пахнет, как он.

Глава 9

Кай

Океан здесь ледяной и всегда неподвижный, словно ветер боится потревожить его поверхность.

Мертвый виток. Слышал, что так эту часть Мелеющих морей называют некоторые из тех, кто ходит поверху. Но для меня неподвижность не мертва.

Она выжидает.

Огибаю грани бирюзового айсберга, такого здоровенного, что сложно понять, где его начало. Где его конец.

Внутри пойманы тела, заперты в кататонической вечности – существа, которые так и не успели разложиться, прежде чем их сковал лед.

Эту часть океана усеивают сотни таких плавучих кладбищ, увековечивающих многое из того, что я предпочел бы забыть.

Плыву дальше, вытянув руки вдоль тела. Хвост мерно двигается, словно в медленном, ритмичном танце.

Я здесь не для того, чтоб предаваться мыслям о прошлом. Я здесь потому, что мой драко-собиральщик решил, что в нашей сокровищнице есть уголок, которому не помешало бы добавить еще немного блеска.

«Почти на месте. Выпусти Зиканта на волю».

Он давит на кожу изнутри, заставляет ее зудеть, угрожает разорвать ее на части. Челюсть ноет так, будто вот-вот сорвется с...

– Прекрати. Ты слишком большой. Она увидит.

«Большой... но быстрый. Хвост побольше твоего».

Закатываю глаза и поддаю ходу, стиснув зубы. Когда мы так близки ко всему, чем оба дорожим, с ним невозможно спорить.

Дно океана внезапно обрывается, что всегда напоминает мне о собственной незначительности. Здесь вода совсем черная, как беззвездная ночь, и такая же пустая.

Рыба не бороздит здешние просторы, акулы слишком хитры. Дельфины и киты изо всех сил стараются огибать впадину.

Пересекать эту часть океана отваживаются лишь по-настоящему отчаянные.

Отчаянные и глупые.

Каждый осторожный взмах моего хвоста заставляет грудь сжиматься, когда я прокладываю путь меж айсбергами, вздрагивая всякий раз, когда два таких сталкиваются и трещат, будто молнии в небе. Время от времени я останавливаюсь и проверяю, не следит ли за мной кто.

Не тянется ли что-нибудь снизу, чтоб меня схватить.

Устремляюсь вверх, сбавляю скорость у стеклянной поверхности и медленно сквозь нее прорываюсь. Выдыхаю сквозь жабры, спрятанные за ушами, ровно и мерно.

Сдержанно.

Чего уж точно нельзя сказать о *нем*.

«*Достань камень. Достань камень!*»

– Тихо ты.

Наслаждаюсь шедевром перед глазами – маленьким островом в осколке утреннего солнца, что прорезал облака. От великолепных шпилей хрусталия, пронзающих небеса, отражаются все цвета радуги, окутывая остров мерцающим ореолом света.

Как природа породила такое чудо, всегда было выше моего понимания.

Торчащий посередине гейзер сочится рекой цвета крови, что высекает кривую тропу в море, окрашивает часть воды розовым, наполняет воздух запахом серы.

Вспоминаю, как раньше купался в этой теплой, богатой питательными веществами воде, и накатывает прилив безмятежности. От нее всегда так блестела чешуя...

«*Достань камень!*»

Вздыхаю.

– Какая ж ты иногда заноза в заднице.

Взгляд устремляется на пляж без прибоя, зазубренную полосу берега, что усеяна более мелкими осколками кристаллов... и костями существ, которых *она* предпочла исторгнуть поближе к поверхности после того, как обглодала.

Рассматриваю кристаллы издали, их формы, как они переливаются на солнце, пытаюсь понять, какой сияет ярче

всех. Зрение у меня хорошее, но ему не сравниться со способностью прикоснуться к чудесному, хрупкому, уникальному...

Драгоценному.

Оно не позволяет мне поднести их к солнцу, крутить так и эдак, наблюдать, как оживают их грани...

«Ближе».

– Ладно. Только... херни не вытвори.

Скольжу по воде медленней заходящей луны, затем застываю – взгляд мечется, чувства обострены.

«Не останавливайся».

– Подавись ты моллюском, – рычу я, и Зикант мгновенно затыкается.

Продолжаю двигаться уже мирно, хотя он все скачет туда-сюда, ударяясь о стенки моих внутренностей.

Чем ближе я к сверкающей береговой линии, тем сильнее меня заражает его возбуждение.

Орлейт любит круглые камни, но океан в этой части света недостаточно буйный, он неспособен отполировать что-либо до гладкости. Однако... думаю, она оценит кристалл, который ловит солнце и переливается всеми цветами радуги.

Орлейт нарисовала для меня действительно особенную вещь. Ей удалось уловить самую суть острова, который она не видела, значение которого она не понимает. И не знает его раздирающей душу истории.

Пусть неплохая, раковина-малышка не сумела бы пере-

дать полноту моей благодарности.

Мои черты ожесточает решимость.

Во имя нашей сокровищницы. И во имя *нее*.

Зикант согласно хмыкает, и я медленно подаюсь вперед.

Кулаки сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются. Каждый плавник чутко улавливает малейшее изменение в движении воды. Делаю вдох, вытягиваю руку, будто я много ближе, чем на самом деле...

По спине скользит холодок, останавливая взмах хвоста и кровь в венах, разрушая порыв.

– Она смотрит.

«Достань!»

– Нет, – начинаю медленно, неуклонно отступать. – Не сегодня.

Кожа свербит, чешуя вот-вот лопнет. Он пытается толкнуть меня вперед изнутри, трясет грудную клетку так, что содрогается все тело.

Рычу.

– Хочешь подохнуть на том берегу?

Ему не нужно отвечать, я и так знаю, что он думает: оно того стоит.

Развернувшись, несусь через открытый океан так быстро, что едва успеваю сделать еще один вдох, как оказываюсь на том же пути через айсберги, а его рев то и дело сотрясает воду.

Лишь когда я выбираюсь из расселины, мне перестает ка-

заться, что за мной следят. И все же не осмеливаюсь ослабить хватку на своем беснующемся звере. И, верно, не осмеюсь, пока не найду, чем его отвлечь.

Раньше такого не случалось.

Когда-то эти воды были мирными, безопасными.

Полными жизни.

Теперь у них есть собственный разум и они злы, порочны...

Смертоносны.

Стоять на страже руин в прошлом процветавшей святыни – работа, которая когда-то принадлежала нам.

Я уже должен был привыкнуть ко вкусу неудачи.

Но нет.

Глава 10

Орлейт

Солнечный луч падает мне на лицо, пробуждая, и я издаю хриплый стон. И все-таки, пусть вяло прикрываю глаза рукой, я улучаю пару мгновений, чтоб искупаться в теплом сиянии, а потом уже перекатываюсь в сторону прикроватного столика.

Что-то твердое с глухим стуком падает на пол, и я, приоткрыв один глаз, хмуро свешиваюсь с края.

Среди разбросанной одежды валяется мой деревянный меч.

– Проклятье.

Опоздала.

С очередным стоном неуклюже сваливаюсь с кровати, внутри черепа подпрыгивает ноющий мозг.

Желудок скручивает так, что из горла вот-вот хлынет желчь.

Едва держа глаза приоткрытыми, я сдираю с места ковер, дрожащими руками сдвигаю плиту и ныряю в тайник. Скручиваю крышку с первой попавшейся в пальцы баночки, достаю три узелка и сую два под онемевший язык, прежде чем откинуться назад.

Пока я пытаюсь собрать волю в кулак, чтоб снова поше-

вельтесь, холодный камень облегчает мои грехи.

Подползаю к столу с кувшином, подтягиваюсь и наливаю стакан воды. Заглотив ее всю, я хватаюсь теперь уже за туалетный столик и впервые за долгое время храбро смотрюсь в зеркало.

С губ срывается третий стон.

Щиплю себя за мертвенно-бледные щеки, облизываю потрескавшиеся губы. Коса спутана, глаза пустые и серые, а не обычного сиреневого цвета, который иногда привлекает ко мне странные взгляды, а кожа под глазами...

Мрак. Выгляжу как полный мрак. Наверное, потому, что в надежде избежать очередного кошмара приняла дозу перед сном, а потом еще дважды, когда просыпалась посреди ночи.

Глупо, учитывая, что у меня иссякает запас каспуна, но тогда я об этом не думала. Я была слишком поглощена решимостью немного забыться.

Добавляю под язык и третий узелок – на всякий, нейтрализующий случай. Я еще никогда не принимала сразу три штуки, но если заявлюсь на тренировку в таком виде... Ну. Бейз заставит меня жрать камни.

Когда наркотик срабатывает, я успеваю одеться, умыться и волочу меч за собой, как якорь. К тому времени, как я толкаю двери большого круглого зала со стеклянной крышей – зала, напрочь лишённого иного применения, кроме как быть местом для моих ежедневных пыток, – сердце будто выстреливает разрядами молний по венам.

Вваливаюсь в зал, губы расплываются в самоуверенной ухмылке. Заметив стоящего у окна Бейза, я подбрасываю меч и лихо им взмахиваю.

– Берегись, Бейз. Я в ударе. Сегодня не ты мне задницу надерешь... а наоборот.

Снова подбрасываю оружие, как раз когда Бейз поворачивается.

И это не Бейз...

Меч со звоном падает на пол, заставляя меня вздрогнуть.

– Неужели? – едко интересуется Рордин, делая шаг вперед со своим деревянным мечом в руке.

– Дерьмо.

Отступаю, пытаясь сглотнуть обратно сердце, которое ухитрилось подскочить к самому горлу. Улучив мгновение, оглядываю зал.

Мы одни.

Дважды дерьмо.

– Где Бейз? – выдавливаю я, приседая, чтоб подхватить меч, пока Рордин обходит меня длинными, крадущимися шагами.

– Наверняка пользуется свободным временем и дерет чью-то задницу, – рокошет он, и я возвожу взгляд к крыше. – Не закатывай на меня глаза, Орлейт.

Рордин определенно знает, как задать тон.

Мельком смотрю на дверь, обдумывая, не рвануть ли на свободу. Я еще никогда не была настолько одурманена. Если

буду махать руками достаточно быстро, то, наверное, вообще выпорхну отсюда, как почтовый спайт.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить бешеный, лихорадочный стук сердца...

Наши взгляды сталкиваются, как два летящих навстречу камня; у Рордина трепещут ноздри, и он щурит глаза.

– Если повезет, до двери ты преодолеешь лишь половину пути. Но так или иначе, – Рордин взмахом руки указывает на выход, – попробуй счастья.

Моя голова откидывается назад, как от пощечины.

Я настолько прозрачна?

– Да.

Слово бьет мне в горло, тяжестью ложится в желудок. Очевидно, мой измученный опиатами мозг не осознал, что вопрос я задала вслух.

– Как давно ты знаешь?

– О вашем... тренировочном лагере?

В голосе Рордина звучит резкость, которой я раньше не слышала. На грани опасного. Даже смертоносного.

– Да, – медленно разворачиваюсь, держа меч наготове. – И чтоб ты знал, Бейз сказал, что тебе не понравится, если я начну учиться драться. Это я его умоляла за меня взяться.

Рордин вскидывает бровь, но я продолжаю говорить. Пытаться выбраться из глубокой и темной ямы, которую я вырыла нам с Бейзом.

– Он просто выполнял мои приказы. Клянусь.

Вроде того. Почти клянусь. Разумеется, никто не умолял, но мне совершенно не хочется утянуть Бейза на дно. Только один должен взять вину на себя, и я предпочту сделать это сама.

– Интересная тактика, – задумчиво тянет Рордин. – Пусть и близко не такая интересная, как тот факт, что она сработала.

Чего?

Мой перевозбужденный разум лихорадочно крутит шестеренки, силясь расшифровать запутанные слова.

– Я... я не понимаю. Ты не сердишься?

– Сержусь, но по причинам, которых ты не можешь ожидать. И переставай нести мученическую чушь. – Рордин пересекает полосу света, и в его глазах отражается солнце, будто их поверхность твердая и гладкая. – Идея обучения была не твоя. А моя.

Роняю челюсть.

Бейз, ублюдок, тебе хана.

Рордин бросается в атаку, деревянный меч с такой скоростью взрезает воздух, что тот поет.

Отбиваю удар благодаря быстрому повороту верхней части тела и запястья, но удар силен – все пронизывает звон.

Пронизывает *меня*.

Чудом сдерживаю желание зажать уши руками и закричать.

Возможно, мы с окаменелой сосной наконец начали при-

тираться.

Лицом к лицу, скрестив оружие, мы не уступаем друг другу. Со своего ракурса я вижу волну волос Рордина, его вскинутые брови.

– Хорошая реакц...

Смещаюсь, пригибаясь и разворачиваясь, пока не прижимаюсь грудью к его спине, а острая часть моего меча не запечатлевает на горле Рордина бесстрастный поцелуй.

– Очевидно, у меня талант, – выплевываю я, не желая отдавать ему должное за то, для чего он и пальцем не пошевелил.

– Ты самоуверенна, – отвечает Рордин так резко, что у меня перед глазами возникает силуэт зазубренной стрелы. – И легко возбудима.

Чего?

Он выскальзывает из моей хватки, как дым на ветру.

Я все еще никак не отойду от шока – и тупо моргаю в ответ на кошачью улыбку, которая делает вид, что смягчает его черты, – когда он обрушивается.

Тремя стремительными ударами он обезоруживает меня и растягивает на полу. Запястья прижаты к камню одной сильной рукой, мой меч валяется где-то сзади.

Ахаю, когда мне в горло упирается острое.

Пусть глаза Рордина почти скрыты копной волос, я все равно чувствую холод агрессивного взгляда. Дыхание леденит мне щеку.

– Какого же...

– Жалкая, – рычит Рордин, вжимая меч. – Быть может, я наконец понял.

Сердце пропускает удар.

– Понял что?

– Почему ты хоронишься от мира, будто он тебя нагнул. – Склонившись так, что его губы едва ощутимо задевают мое ухо, Рордин шепчет: – Наверное, в тот день ты все-таки умерла.

Да как он смеет.

– Слезь, – шиплю я, вздергивая бедра.

Его бедра отстраняются, и сам Рордин издает низкий, полный раздражения звук.

Полный отвращения.

– Или, – выплевывает Рордин и сжимает мои запястья крепче, склоняя голову из стороны в сторону, препарируя меня прищуренными глазами, – может, я ошибаюсь. Может, ты бьешься как мертвое тело, потому что одурманена до потери сознания.

Столь сокрушающий удар еще не наносило ни одно предположение.

Не могу дышать. Не могу говорить. Поэтому бью коленом ему по причиндалам.

Если он сосредоточится на ощущении, что яйца вот-вот лопнут, то, наверное, у него и в мозгах потемнеет.

Наношу удар, и Рордин тут же сгибается, издав нечто

среднее между стоном и смешком.

– Дешевый, – Рордин тяжело заваливается набок, – прием.

Отталкиваюсь от пола, отскакиваю назад и, схватив меч, взлетаю на ноги.

– Ага.

А еще импульсивный. Это все потому, что я, ну... одурманена до потери сознания.

– Ручку подать? – интересуюсь, наблюдая, как его разматывает медленными, некрасивыми корчами.

– Нет, – выдавливают Рордин, перекачивается на корточки и, качнувшись на пятках после нескольких глубоких вдохов, встает. Держится он, конечно, нетвердо, но и вполовину не так плохо, как я ожидала, наступает, покачивая в такт движению широкими плечами. – Но свой запас ты мне выдашь.

Сердце застывает. Даже кровь в гребаных венах.

Он никак не может об этом знать.

Чудом сохраняю спокойное выражение лица и ровный голос.

– У меня нет запаса.

Рордин цокает языком и подкрадывается ближе.

– Какая красивая ложь. Под ковром? – Он подбрасывает меч в воздух и, вновь схватив рукоять, нацеливает острие мне в лицо. – В том самом тайничке, который ты считаешь таким надежным.

Ублюдок.

– Да пошел ты.

Рордин издает мрачный, напрочь лишенный веселья смешок, от которого у меня вскипает кровь.

– Нет, Орлейт. Все указывает в обратном направлении.

Что-то внутри меня наглухо цепенеет.

Рордин сверкает жестокой, безжалостной усмешкой.

– Но ты живешь под моей крышей, и ты отдашь мне экзотрил.

Нет.

Он мне нужен, он каждое утро воскрешает меня из мертвых. Напоминает моему телу, как жить после обезболивающего бальзама, которым я упиваюсь ночь за ночью, чтобы взять под узду свои страхи.

Все это находится в хрупком равновесии, а Рордин выдергивает булавку, скрепляющую все воедино, и считает, что знает, как для меня будет лучше.

Ничего он не знает.

Бросаюсь, рыча, рассекая воздух, выпуская на поверхность всю ярость, боль и ненависть, которую я сдерживала, и взмахиваю, взмахиваю, взмахиваю ненавистным мечом, чей звук и вес перестаю воспринимать.

Все, что я вижу, – это широкие, отливающие ртутью глаза...

И для меня они черны.

Они – глаза тех диких, кружащих существ, которые душат мое подсознание, и Рордин словно возрождает их способность меня уничтожить.

Он парирует, отвечая на танец клинка, плавно и ловко, будто читает каждое движение еще до того, как я решу его сделать.

Я бью, он уходит.

Снова бью, и снова уходит.

Меч – продолжение моего тела, он обрушивается на мужчину, который стоит между мной и красивой ложью, которую я рисую на изломанной поверхности своего сердца.

И я не останавливаюсь. Не сдаюсь.

Но не сдастся и он.

Рордин, как и всегда, тверд и несокрушим, в то время как моя плоть отдается ему каждый день.

Я не вижу с твоей стороны никаких попыток преодолеть страхи, мое терпение иссякает. Стремительно.

Что-то во мне обрывается.

Навязчивое спокойствие струится по венам и застывает, словно раствор, выстилая внутренности бетонной грацией, которую так хорошо знает Рордин.

Я – стремительное пятно движения.

Бросаюсь и вспарываю кончиком меча его рубаху. Ткань лопается, как рваная рана, я резко застываю, трезвея, оружие выскальзывает из ладони.

Раскрываю рот... но не выходит ни звука.

Я ранила Рордина.

Пошатываясь, подаюсь вперед, растопыренные пальцы натываются на его грудь, лихорадочно отдирают ткань, чтобы

я увидела повреждения.

Их нет.

Ни пореза, обнажающего внутренности.

Ни крови.

Подняв взгляд, попадаюсь на крючок его леденящего внимания, и под его тяжестью чуть не подгибаются колени.

Под моей ладонью медленно и гулко бьется его сердце.

Слишком медленно.

Отшатываюсь, отдернув руки.

Вскинув бровь, Рордин опускает взгляд на кожу, обнаженную моим жестким ударом, и ворчит. Смяв рваную ткань в кулаке, он сдирает рубашку с себя и отбрасывает в сторону.

Пялюсь на него, не в силах не смотреть на гладкие мышцы, из которых он соткан, будто каждый его фрагмент – это идеально обработанный камень. И сложенные вместе, они являют собой произведение искусства.

Рордин напоминает мне мою стену в Шепоте, но вместо раствора его части удерживают вместе слова. Изящные слова, которые мне незнакомы, письма серебристые, каким бывает океан, когда небо затянуто облаками. Строки и фразы соединяются, перетекают друг в друга так, что если перенести их на лист пергамента, каждая деталь оказалась бы связана с какой-нибудь еще.

– Татуировки, – хриплю я, и моя ладонь висит в пространстве между нами.

Отметины пульсируют светом, словно обладают собствен-

ной сущностью.

Собственной душой.

В медленном, неторопливом ритме, и я ловлю себя на том, что дышу в такт.

Ту-дум.

Ту-дум.

Ту-дум.

По моему лицу скользит холодный, хмурый взгляд, побуждая найти источник.

Роняю ладонь.

Я вижу в этих каменных глазах не просто жесткого мужчину, который расхаживает по залам и правит суровой дланью.

Я вижу хищника. Я вижу собственное мрачное забвение.

Он бьет.

Если я и думала, что мои движения быстры, то я себя обманывала. Он буквально молния – стремителен и непредсказуем.

Порывист.

В его калечащих ударах нет ритма. Все они – мощь и разрушение, нацеленные изувечить, вывести из строя, убить.

Отступаю от бури, что на меня надвигается, уклоняюсь от удара за ударом, ухожу от диких, блестящих глаз, которые не узнаю. Отодвигаюсь все дальше и дальше от оставшегося лежать на полу меча.

Натыкаюсь спиной на камень, и Рордин меня *вжимает*,

проводя мечом холодную линию по моему горлу. Дыхание, которое мы вместе пьем, болезненно пьянит.

Грудь поднимается и опускается беспорядочными толчками, мысли лихорадочно скачут. Но хотя Рордин поймал меня в ловушку между собой и стеной, готовый нанести смертельный удар, что-то все же заставляет меня вскинуть голову...

Рордин вздергивает верхнюю губу, щеря зубы, и я представляю, как они впиваются мне в шею.

Мой взгляд цепляется за них и изо всех сил стремится освободиться, пока Рордин не издает низкое рычание, от которого у меня в коленях поселяется слабость – вот-вот повисну прямо на его мече.

– Это... – облизываю губы, пробуя на вкус ледяной воздух, барахтаясь в ловушке. – Ты же...

Что-то вспыхивает в его глазах, напоминая мне о надвигающейся с океана грозе. Пространство между нами стремительно сокращается.

– Что я, Орлейт?

Опасен.

Раздается «кхе-кхе», и я тут же ищу взглядом источник звука, хотя все еще чувствую, как пригвождает меня к месту леденящий взор Рордина.

– Чего?! – рявкает он.

Бейз, стоящий у входа, сунув руки в карманы, ничуть не потрясен тем, что Рордин вжал меня в стену и вот-вот перережет глотку. По правде говоря, его больше веселит мой

взгляд, которым я буквально сдираю с него кожу.

Не тот ответ, которого я жду.

Рордин руководил моим обучением последние пять лет, и Бейз обманом заставил меня поверить, что это наш с ним секретик. Вот же ублюдок.

Даже не сподобился изобразить сожаление.

– Ты хотел, чтобы тебя уведомили, когда верховная владычица пересечет границу, – говорит Бейз, отводя глаза шоколадного цвета от моего грозного взгляда.

Рордин выпускает почти неслышный вздох.

Он отстраняется и, бросив Бейзу меч, оглядывает меня с головы до ног.

– Закончи с этой, – произносит он, указывая в мою сторону подбородком, прежде чем поднять с пола изорванную рубаху.

– Но мое согласие выманили обманным путем! – возмущаюсь я, лихорадочно переводя взгляд с одного на другого. – Я бросаю занятия.

Рордин застывает как вкопанный.

Проходят несколько мгновений, которые кажутся маленькой вечностью. Наконец он отмирает, сжимая рубашку в кулаке до побелевших костяшек, и смотрит в мою сторону.

– Тогда тренировки будут заменены ежедневными поездками в близлежащие деревни. В моем сопровождении.

От удара не ускользает ни одна клеточка тела. Кости вот-вот рассыплются в прах.

Ловлю себя на том, что произношу слово «нет» одними губами... не в силах набрать достаточно воздуха, чтобы сказать его вслух.

Взгляд Рордина становится жестче.

– Значит – тренировки. Я вернусь завтра вечером.

Сердце ухает в пятки.

Завтра вечером...

Он отказывается от крови. Возможно, даже две ночи подряд. Такого еще не бывало.

– Но... разве я тебе не понадоблюсь?

– Нет, – рычит он. – Мне нужно, чтоб ты свое дерьмо разгребла.

Мудак.

– Надери ей задницу, Бейз. И продолжай, пока у нее в глазах цвет не проклюнется.

– Ненавижу тебя, – удастся мне прошептать, когда он удалется к распахнутым дверям.

Он застывает ровно в тот миг, когда слова слетают с моего языка.

Губы Рордина кривит легкая, лишенная веселья улыбка, которую почти больно видеть – жуткая, резкая, она мне напоминает, что, несмотря на все годы под одной крышей, я совсем не знаю этого мужчину.

Несмотря на все капли себя, которыми я с ним делилась.

– О, ненаглядная, – тянет Рордин, сверху вниз окидывая взглядом мое тело, все еще прижатое к стене его фантомным

прикосновением. – Ты даже не знаешь значения этого слова.
И уходит.

Глава 11

Орлейт

Закрываю дверь теплицы, набрав полные легкие пронизанного цветочными ароматами воздуха в попытке успокоить себя изнутри. В кулаке зажат букет, яркие лепестки всех цветов, кроме того, что отражает мое настроение.

Голубого.

Не свежего и прозрачного голубого, каким бывает океан, когда его не обуревают непогода, но тусклый цвет неба прямо перед тем, как из него исчезнет последний луч света.

Откручиваю крышку с пустой банки, разжимаю пальцы, высвобождая стебли моего улова и свежие, сочащиеся волдыри, уродующие мою ладонь.

Вот к чему приводит перетаскивание пятидесяти шести камней по Бревну – становишься как прокаженная.

Старое дерево, которое двенадцать лет назад упало поперек застоявшегося пруда внизу поместья, раньше было достаточно безобидным... пока Бейз не начал использовать его для тренировок и телесных наказаний. На каждом конце лежит по груде камней, все больше моей головы размером, а если я потеряю равновесие, пока переправляю их на другую сторону? Ну, придется окунуться в кишачий селки пруд.

Надо было самой туда сигануть, когда волдыри только на-

чали появляться, и бешеным рывком добраться до берега, но я слишком увлеклась тем, что тешила затаенную обиду.

Обиду, которая только возросла, когда я взобралась на самый верх Каменного стебля и обнаружила, что мой тайник девственно чист. Теперь придется заново собрать все тридцать четыре ингредиента, чтобы приготовить новую партию экзотрила, а для большинства сейчас не сезон.

Я в ярости.

Завтра, когда я проснусь с ощущением, что голову раздавило меж парочкой валунов, я буду взбешена еще больше. Уверена, именно об этом Рордин и думал, когда свалил с места преступления, уехал на пару дней и оставил меня спасать остатки моего самообладания.

С тяжелым вздохом втыкаю цветы в банку с чуть большей силой, чем нужно, и ломаю несколько стеблей.

Пока я прячу добычу в сумку, мимо с полным мешком проходит садовник. Он приподнимает шляпу в знак приветствия. Бурчу что-то в ответ, а потом застываю и ору:

– Погоди!

Готова поклясться, что он застонал.

Когда я подхожу, садовник развязывает мешок и, отступив на шаг, отряхивает куртку. Я же, опустившись на колени, перебираю обрезки самшита.

– Гейл, верно?

Молодой человек снова приподнимает шляпу.

– Да, мэм.

Натыкаюсь на дне на несколько ягодок остролиста и цокаю языком. Заматываю их в марлю и поднимаюсь на ноги, убирая сверток в сумку.

– Ты не срезал колокольчики, верно?

Не то чтобы я собиралась поддаться в тон обвинения, но судя по бледнеющему лицу парня, выходит именно так.

– Н-н-нет, мэм. Я бы не посмел! Я всего лишь подмастерье, учусь стричь живую изгородь.

– Так, а остальные садовники, которые тут вечно суетятся, – машу рукой на идеально ухоженный сад, – и всякое подстригают?

Будь все по-моему, сад бы уже весь зарос. Дикий, непокорный, усыпанный цветами.

– Я, э-э, я не могу отвечать за других, но думаю, никто не посмеет, – говорит парень, туго затягивая шнурок.

Он, верно, имеет в виду проверки случайных мешков, которые я устраиваю каждую неделю, чтобы убедиться, не пропало ли чего ценного. Он бы и сам так поступал, если бы вырастил бо́льшую часть этого сада из семян.

Парень забрасывает мешок на плечо и отступает на шаг, приподнимая шляпу в третий раз.

– Если вы все, то у меня еще полным-полно работы перед балом...

Вздыхаю.

Проклятый бал. Да он меня преследует. И мои растения.

– Просто... не переусердствуй.

– И не посмел бы. – И парень спешит прочь, пока я массирую виски.

Осматривая землю, волочу ноги к восточной стене замка, где растут кустарники, в надежде найти пережившие мороз колокольчики. Луковицы в Рассадах дали только один урожай. То малое количество краски, которое он мне подарил, уже иссякло, стебли были высушены, растерты в порошок и добавлены в мой изъятый запас экзотрила.

Да, вот один из многих ингредиентов, которые мне теперь предстоит собрать. Просто соль на рану. Но что важнее, без голубой краски я не смогу закончить камень, который отделила от стены в Шепоте. От одной только мысли об этом болит голова.

Спотыкаюсь о коварно торчащий из земли камень, лечу и падаю лицом в траву – в неприятной близости от кучи конского навоза.

Застонав, выпрямляюсь, и взгляд вдруг цепляется за что-то за кустарником, поблескивающее в луче солнечного света.

Ползу вперед и, раздвинув ветки, обнаруживаю маленькое круглое окошко почти у самой земли. Стекло такое грязное, что за ним ничего не рассмотреть. Плюю на край рукава и протираю поверхность, а потом припадаю к ней носом.

Хм.

Тусклый свет послеполуденного солнца позволяет разглядеть помещение, битком набитое большими предметами мебели, которые накрыты белыми простынями.

Я еще никогда его не видела, а это редкость. Я исследовала все места замка Нуар, кроме логова Рордина, запертой двери у подножия Каменного стебля и Крепости. Вход в эту комнату, должно быть, очень хорошо спрятан, что лишь усиливает интригу.

Мой неиссякаемый источник любопытства вновь бурлит.

Тянусь назад и вытаскиваю из земли камень, о который только что споткнулась. Прикусив язык, готовлюсь швырнуть его в оконное стекло...

– Лейт.

Взвизгиваю, чуть не подпрыгнув.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.